

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

ТОТ, КТО УБИВАЕТ ДРАКОНА

АБСОЛЮТНЫЙ ШВЕДСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР #1

Секрет успеха скандально
известного сыщика —
интуиция, везение
и... редкостный цинизм!

ЛЕЙФ Г.В.

ПЕРССОН

6 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ ПРОДАНО В СКАНДИНАВИИ

Лейф Густав Вилли Перссон
Тот, кто убивает дракона
Серия «Комиссар Эверт
Бекстрём», книга 2

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9962856

Тот, кто убивает дракона. Роман: Центрполиграф; Москва; 2015

ISBN 978-5-227-05692-4

Аннотация

Ранним весенним утром Септимус Акофели – разносчик газет сомалийского происхождения – обнаруживает в одной из квартир бездыханное тело и автоматически становится первым подозреваемым. Типичное убийство пожилого алкоголика молодым иммигрантом – поначалу заключают следователи, но вскоре отказываются от этой версии. Новый шеф полиции округа Анна Хольт требует как можно скорее найти и упрятать преступника за решетку. Среди ее подчиненных есть лишь один рыцарь, способный убить дракона, – обворожительный лентяй и сластолюбец Эверт Бекстрём. Шестое чувство подсказывает проницательному комиссару, что дело сложнее, чем кажется, и еще одного убийства не миновать.

Содержание

1	6
2	8
3	12
4	17
5	20
6	26
7	34
8	41
9	53
10	57
11	69
12	79
13	86
14	92
15	95
16	110
17	117
18	121
19	126
20	130
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Лейф Г. В. Перссон

Тот, кто убивает дракона

Роман

Leif GW Persson

Den som dödar draken

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Published by agreement with Salomonsson Agency.

Copyright © Leif GW Persson, 2008

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Это плохое слово для взрослых детей.
Лейф Перссон

Галстук в пятнах соуса, чугунная крышка от кастрюли и обычный молоток обивщика мебели со сломанной деревянной ручкой – три эти важные находки сделали эксперты участка Сольны при первичном осмотре места преступления. Скорее всего, именно с их помощью жертву лишили жизни, и, чтобы сделать такой вывод, вовсе не требовалось трудиться в техническом отделе полиции. Достаточно было иметь глаза, чтобы увидеть всю картину, и не слишком слабый живот, позволявший смотреть на нее.

Относительно молотка, правда, с довольно большой долей вероятности вскоре выяснилось, что вначале произошла ошибка и преступник им не пользовался, а в остальном все шло своим чередом.

И в то время как эксперты выполняли свою часть работы, охотники за убийцей занимались обычной рутинной. Стучали в двери соседей и жильцов окрестных домов, расспрашивали о жертве и любых наблюдениях, способных навести на след преступника. А одна из них, сотрудница из числа гражданского персонала (поскольку именно такие, как правило, отвечают за подобную работу), сидела у своего компьютера и выуживала из него все, что могло пригодиться в этом направлении.

И достаточно скоро они разобрались, что имеют дело с са-

мой обычной жертвой убийства в истории шведской криминалистики за последние сто пятьдесят лет, пока ведется статистика на сей счет. Или, пожалуй, за значительно большее время, ведь книги, где регистрировались судебные приговоры, существовали уже в раннем Средневековье, и они давали примерно ту же картинку, что и уголовная статистика индустриального общества. То есть речь шла о классической шведской жертве убийства. А точнее, используя современную терминологию, об «одиноким мужчине средних лет, ведущем асоциальный образ жизни и имеющем значительные проблемы с алкоголем».

– Обычный пьяница, просто-напросто – так руководитель расследования от полиции Сольны комиссар Эверт Бекстрём описал покойного, когда после первого совещания разыскной группы докладывал своему главному шефу.

То же самое подтвердили рассказы соседей и данные полицейских отчетов, плюс оба эксперта со знанием дела привели свои аргументы в том же направлении.

– Типичное убийство алкаша, если ты спросишь меня, Бекстрём, – сказал старший из них, Петер Ниemi, подытожив суть дела, когда на том же первом совещании излагал свой с коллегой взгляд на порядок вещей.

Как галстук, так и крышка с молотком принадлежали жертве и находились в квартире еще до того, как там разыгались печальные события. С галстуком все обстояло и того проще – он находился на шее покойного. Как и положено, под воротником рубашки, только в данном конкретном случае затянутый приблизительно на пять сантиметров сверх меры и на всякий случай зафиксированный в таком положении под кадыком при помощи самого примитивного узла.

Самому же убийству предшествовало традиционное застолье. Оно, судя по количеству обнаруженных пустых водочных бутылок и банок из-под крепкого пива, продолжалось не один час, и в нем, похоже, принимали участие два человека, одним из которых, судя по отпечаткам пальцев, была сама жертва. О таком же количестве пирующих говорили два стакана и две тарелки на столе в гостиной, а исходя из остат-

ков еды на них и таких же на маленькой кухне, можно было сделать вывод, что последняя трапеза покойного состояла из классической шведской жареной свинины с тушеными красными бобами, приобретенными в готовом виде в тот же день в близлежащем магазине сети «Иса», во всяком случае судя по валявшейся в мусорном ведре пластиковой упаковке. И перед тем как подавать на стол, их явно разогрели в чугунке, крышкой от которого преступник позднее в тот же вечер несколько раз ударил хозяина дома по голове.

Судебный медик пришел к аналогичным выводам. Он поделился ими с присутствовавшими при вскрытии экспертами в надежде, что они донесут их до остальных, поскольку более важные дела мешали ему посетить совещание разыскной группы. Свое окончательное письменное заключение он обещал представить приблизительно через неделю, но пока для предварительных и устных оценок ему хватило беглого осмотра опытным глазом.

– Так называемый забулдыга, как вы полицейские привыкли величать личностей вроде нашей бедной жертвы, – объяснил судмедэксперт, который в компании вроде этой считался образованным парнем и вынужден был следить за своим языком.

Все это, вместе взятое (рассказы соседей, не лучшим образом характеризующие жертву, записи из полицейских от-

четов, находки на месте преступления, наблюдения судебного медика), помогло полицейским в общих чертах понять, как же все происходило. Речь явно шла о двух давно знакомых пьяницах, которые встретились с целью немного перекусить и значительно больше выпить, а потом переругались из-за какой-то ерунды, уходящей корнями в их совместное прошлое. И в результате общение между ними закончилось тем, что один забил насмерть другого.

Ничего сложного. И поэтому имелись отличные перспективы найти преступника в кругу ближайших знакомых жертвы, состоящего из таких же, как он, алкашей, и уже начались поиски в данном направлении. Подобные убийства раскрывались в девяти случаях из десяти, и все необходимые бумаги оказывались на письменном столе прокурора в течение месяца.

В общем, дело выглядело самым заурядным, во всяком случае с точки зрения сотрудников полиции Сольны, и там ни у кого мысли не возникло обратиться за помощью в группу психологического портрета преступника Государственной криминальной полиции или к профессору криминологии Государственного полицейского управления, который вообще-то жил в нескольких кварталах от жертвы.

Никто из их специалистов тоже не связался с розыскной группой по собственной инициативе, и, наверное, к лучшему, поскольку они наверняка не добавили бы ничего ново-

го. Просто написали бы бумагу, где содержалось все то, что все и так уже знали. А сейчас они в любом случае не стали мальчиками для битья и избежали ситуации, когда любой мог ткнуть в них пальцем и заявить, что они пишут всякую ерунду и даром едят свой хлеб.

Опять же, когда всем все известно наперед, любое выпадающее из привычной картинки описание (то, что противоречило данным криминологических исследований, полицейскому опыту и интуиции, которая становится важным подспорьем в работе любого настоящего полицейского) выглядело бы запредельной глупостью.

– Сообщи мне самую суть, Бекстрём, – сказала наиглавнейший босс Бекстрёма шеф полиции Вестерортского округа Анна Хольт, когда он явился к ней на доклад на следующий день после убийства.

– Обычный пьяница, – констатировал Бекстрём и кивнул рьяно.

– Ладно, у тебя пять минут, – вздохнула Хольт, на очереди у которой было еще несколько человек, и по крайней мере один из них уж точно имел более важное дело, чем Бекстрём.

В четверг 15 мая солнце взошло в Сольне уже двадцать минут четвертого утра. Ровно за два часа и сорок минут до того, как Септимус Акофели прибыл по адресу Хасселстиген, дом 1, чтобы разнести подписчикам их газеты.

Вообще-то он трудился велокурьером, но уже почти год подрабатывал, разнося утренние издания в нескольких кварталах вокруг Росундавеген, включая данный дом. И кроме того, являлся беженцем из Южного Сомали, из маленькой деревушки в двенадцати часах пути от границы с Кенией. Он прибыл на свою новую родину в тот день, когда ему исполнилось тринадцать лет, и попал именно в Швецию по той простой причине, что его тетя, дядя и еще несколько двоюродных братьев и сестер переехали сюда пятью годами ранее, а все его остальные родственники умерли. Или были убиты, если кому-то угодно, ведь лишь немногие из них переместились в мир иной по самым естественным причинам.

Септимус Акофели был не обычный сомалийский беженец, приехавший на чужбину на свой страх и риск. У него имелись близкие родственники, которые могли позаботиться о нем, и чисто по-человечески его просто требовалось впустить в страну. И все, похоже, складывалось для него хорошо, во всяком случае, по меркам таких, как он.

Парень окончил шведскую школу и гимназию с приличными и даже хорошими отметками по нескольким предметам. Потом три года проучился в Стокгольмском университете и получил звание бакалавра языкознания с английским в качестве основного предмета. Сдал на водительские права и в двадцать два года стал шведским гражданином. Пытался устроиться на работу во множество мест, и в конце концов ему повезло. Он стал велокурьером в фирме «Мильебудет» – «Доставка для тех, кто заботится об окружающей среде». А когда пришло время гасить студенческий кредит, начал подрабатывать разносчиком газет. И уже пару лет жил в собственной квартире из одной комнаты и кухни на Форнбювеген в Ринкебю.

Септимус Акофели сам заботился о себе. Он не был никому обузой. И преуспел лучше многих других, независимо от их стартовой позиции, и уж точно большинства из тех, кто имел сходную с ним историю.

Кстати, он отличался от обычных сомалийских беженцев и по другим причинам. Во-первых, имел очень странное для сомалийца имя, даже среди их крошечного христианского меньшинства, а во-вторых, значительно более светлую кожу, чем у подавляющего числа его земляков. И для обоих этих фактов существовало простое и общее объяснение, а именно пастор африканской миссии английской церкви Мортимер С. Крейг (в чьем имени С. означало Септимус), нарушивший седьмую заповедь. Обрюхатив мать Септимуса, он осознал

свой тяжелый грех, попросил прощения у Господа и сразу же вернулся на родину в свой приход в маленькой деревушке Грейт-Дансфорт в Хэмпшире, расположенной в самой живописной местности, какую только можно себе представить.

В четверг 15 мая пять минут седьмого утра Септимус Акофели, двадцати пяти лет, нашел мертвое тело Карла Даниэльссона, шестидесяти восьми лет, в коридоре его квартиры на втором этаже в доме по адресу Хасселстиген, 1 в Сольне. Входная дверь стояла открытой настежь, и покойник лежал всего в нескольких метрах от порога. Септимус отложил в сторону экземпляр «Свенска дагбладет», который несколько секунд назад собирался засунуть в его почтовый ящик, и, наклонившись, еще раз внимательно посмотрел на тело. Даже похлопал осторожно по окоченелым щекам. Потом он покачал головой и набрал номер экстренных служб 112.

Шесть минут седьмого Септимуса соединили с управлением полиции на Кунгсхольмене в Стокгольме. И, выслушав его, дежурный попросил подождать у телефона и на время отключился, пока передавал все дальше по рации. Ему сразу же ответил экипаж патрульной машины полиции Вестерорта, находившейся на Фресундаледен, в нескольких сотнях метров от указанного адреса, и, уведомив коллег о «сигнале об убийстве в доме номер 1 по Хасселстиген в Сольне», дежурный вдобавок предупредил их, что сообщившее о происшествии «лицо мужского пола» говорило «подозрительно

спокойно и четко», а это в худшем случае могло означать, что кто-то захотел развлечься за счет полиции или даже руководствовался «худшими намерениями...».

Откуда дежурному было знать, что все обстояло совсем иначе. Просто Септимус Акофели давно привык к зрелищам, с каким столкнулся сейчас. Ведь еще маленьким мальчиком ему пришлось видеть больше убитых и изувеченных людей, чем почти всем другим девяти миллионам жителям на его новой родине.

Септимус Акофели был маленький и худой, ростом сто шестьдесят семь сантиметров и весом пятьдесят пять килограммов. Но при этом хорошо сложенным и тренированным, что ведь естественно для человека, который бегают по лестницам пару часов каждое утро, а затем колесит по городу на велосипеде с письмами и пакетами для клиентов, которые ждут их с нетерпением и вдобавок заботятся об окружающей среде и поэтому не должны терять времени понапрасну.

Он хорошо выглядел, имел темно-оливковый цвет кожи, классические черты лица и профиль, точно сошедший с рисунка на старинной египетской вазе. И сейчас он даже представить себе не мог, какие мысли крутятся в голове шведского полицейского инспектора, который дежурил в управлении полиции Стокгольма. Свои же детские воспоминания он старался как можно быстрее выбросить из памяти.

Сначала он поступил, как ему сказали, и подождал у теле-

фона. Но через пару минут покачал головой, отключил мобильник, поскольку полицейские явно о нем забыли, отставил в сторону сумку с газетами и сел на лестнице перед квартирой, чтобы оставаться в доме, как он пообещал.

Через пару минут у него появилась компания. Сначала кто-то осторожно открыл и закрыл дверь в подъезд. Потом послышались тихие шаги по лестнице. А затем перед ним появились двое полицейских в форме. И сначала Септимус увидел мужчину лет сорока, который держал правую руку на кобуре пистолета и левую вытянутой в его сторону, а потом рассмотрел позади него молодую женщину с телескопической железной дубинкой наготове.

– Спокойно, – сказал мужчина-полицейский и кивнул Акофели. – Сейчас мы поступим так. Сначала ты поднимешь руки над головой, потом мы поднимемся к тебе, а ты повернешься к нам спиной и раздвинешь ноги...

«Какие же вы...» – подумал Септимус Акофели и выполнил то, что ему сказали.

Хасселстиген – маленькая улица длиной не более двухсот метров – пересекает Росундавеген примерно в полукилометре западнее футбольного стадиона, то есть совсем близко к тому месту, где ранее располагались павильоны Шведской кинокомпании, в так называемом Киногороде в Росунде. Ныне там находился район с эксклюзивным жильем и совсем другими квартиросъемщиками, нежели те, кто проживал в доме 1 на Хасселстиген.

Его построили в 1945 году, через полгода после окончания войны, и живущие по соседству люди обычно говорили о нем как о забытом богом или, по крайней мере, его владельцем. Кирпичный, в пять этажей, он содержал три десятка одно- и двухкомнатных квартир и в силу своего шестидесятилетнего возраста давно нуждался в реновации фасада, замене стояков и прочих ремонтных работах.

Его жильцы тоже знавали лучшие дни. Два десятка из них были одинокими, а большинство пенсионерами. Кроме того, там проживали восемь пожилых пар (тоже все пенсионеры) и одна женщина сорока девяти лет, делившая свою двушку с двадцатидевятилетним сыном, который получал пенсию по инвалидности. Соседи считали его немного странным, хотя вполне приличным и безобидным и услужливым в случае необходимости. Он всегда жил с матерью. Но в последнее

время также остался один, поскольку у нее случился инсульт и она уже несколько месяцев находилась в реабилитационном центре.

Одиннадцать жильцов этого дома выписывали по одной утренней газете, шесть – «Дагенс нюхетер» и пять «Свенска дагбладет», и именно Септимус Акофели уже год заботился о том, чтобы они получали их в свои почтовые ящики в срок – около шести утра, и ни разу не выбился из графика.

По адресу Хасселстиген, дом 1 всего проживал сорок один пенсионер. Или сорок, если быть точным, поскольку одного из них как раз сейчас убили, и уже в четверг после обеда полиция Сольны переписала всех в доме, включая жертву.

А в промежутке между звонком Септимуса Акофели в центр управления и составлением списка жильцов дома 1 по Хасселстиген случилось кое-что еще. Помимо всего прочего, руководитель расследования от полиции Сольны, комиссар Эверт Бекстрём, посетил место преступления уже без двадцати десять утра. Всего через три с половиной часа после того, как его коллеги из Ямы получили сигнал тревоги, и, следует признать, в срочном порядке, принимая в расчет то, что речь шла о Бекстрёме.

И для этого существовало крайне приватное объяснение. Просто днем ранее штатный врач полиции Стокгольма заставил Бекстрёма дать обещание, что тот немедленно изменит свою жизнь, а перечисленные им медицинские перспективы (если Бекстрём все равно останется верным себе) смер-

тельно напугали даже такого непробиваемого пациента. Напугали настолько, что он после трезвого вечера и бессонной ночи решил пешком прогуляться до своей новой работы в криминальном отделе Вестерортского округа.

А это целых четыре километра, ведь именно такое расстояние отделяло его уютное логово на Инедалсгатан на Кунгсхольмене от большого здания полиции на Сундбюбергсвеген в Сольне. Причем под беспощадным солнцем, плюс при не поддающейся никакому описанию температуре, которая вывела бы из строя даже олимпийского чемпиона в марафоне.

Четверть десятого утра в четверг 15 мая солнце стояло уже высоко на голубом безоблачном небе. И хотя до начала лета оставалось еще две недели, температура достигла уже двадцати шести градусов в тени, когда Бекстрём, обливаясь потом, шел по мосту через Карлбергский канал. И это при том, что, прежде чем покинуть свою квартиру, он предусмотрительно оделся с учетом ожидавших его трудностей – в гавайскую рубашку и шорты, сандалии на босу ногу, и даже предусмотрительно сунул в карман бутылку минералки из холодильника, чтобы при необходимости быстро восстановить угрожающую здоровью потерю жидкости в организме.

Ничто не помогло. И пусть он впервые за свою взрослую жизнь добровольно продержался трезвым целые сутки (ни капли спиртного за двадцать пять с половиной часов, точнее говоря), его самочувствие никогда не было столь ужасающим, как сейчас.

«Убью чертова шарлатана», – подумал Бекстрём.

Разве это состояние сравнишь с похмельем? Он не пил уже вторые сутки, а чувствовал себя не лучше, чем врезавшийся в линию электропередачи орел.

Именно в этот момент зазвонил его мобильный телефон. Это был дежурный из Сольны.

– Тебя все ждут как манну небесную, – сказал он. – Я безуспешно пытался связаться с тобой с семи утра.

– Пришлось тащиться на раннюю встречу в Государственной криминальной полиции, – солгал Бекстрём, которому примерно к тому времени наконец удалось заснуть в своей постели. – А что случилось? – спросил он, стараясь избежать дальнейших вопросов.

– У нас убийство для тебя. Коллегам на месте необходимы твой совет и руководящие указания. Кто-то насмерть забил пенсионера. Квартира, где все произошло, напоминает чистую бойню.

– Что еще тебе известно? – прорычал Бекстрём, чье самочувствие, несмотря на радостное известие, ни капельки не улучшилось.

– Сам я не знаю подробностей. Убийство, определенно убийство. Жертва – пожилой мужчина, давно на пенсии, как я уже сказал, выглядит не лучшим образом, если верить коллегам. Неизвестный преступник. У нас нет даже описания, чтобы передать по рации, на том мои знания и заканчиваются. Где ты, кстати?

– Как раз перехожу Карлбергский канал, – сообщил Бекстрём. – Я имею привычку ходить пешком на работу, если не льет как из ведра. Всегда полезно двигаться, – объяснил он.

– Вот как, – сказал дежурный, которому стоило труда скрыть свое удивление. – Если хочешь, я могу прислать за тобой машину.

– Ради бога, – согласился Бекстрём. – И объясни им, что дело срочное. Я подожду их у клуба чертовых футбольных хулиганов со стороны Сольны от канала.

Семь минут спустя у моста затормозила патрульная машина с включенной мигалкой, она развернулась на 180 градусов и остановилась перед входом в здание клуба АПК. И водитель, и его молодая напарница вышли из машины и кивнули дружелюбно. Они явно поняли, что от них требуется, поскольку именно шофер открыл дверцу со своей стороны, чтобы Бекстрёму не пришлось садиться на сиденье для задержанных, находящееся позади него.

– Знаешь, Бекстрём, ты стоишь на историческом для шведской криминалистики месте, – сказал коллега-мужчина и кивнул в сторону зарослей кустарника за спиной комиссара. – Хольм, кстати, – добавил он и ткнул большим пальцем в свою одетую в форму грудь. – А это Фернандес, – сказал он и кивнул в сторону своей напарницы.

– О чем ты, какая еще историческая земля? – спросил Бекстрём, как только не без труда забрался на заднее сиденье, и все его мысли сосредоточились на коллеге в юбке на сиденье перед ним. С длинными, уложенными узлом на затылке черными волосами, улыбкой, способной осветить футбольный стадион в Росунде, и соблазнительно выпирающим под форменной рубашкой верхним этажом, она выглядела очень аппетитной. – Какая еще историческая земля? – по-

вторил он.

– Я имею в виду ту проститутку. Ее же нашли здесь. Или, по крайней мере, определенные части ее. Я говорю о старой расчлененке, которую, как все утверждали, сотворили судебный медик, патологоанатом, и его дружок, обычный доктор. Хотя черт его знает, конечно. У шефа нашей криминальной полиции, старины Тойвонена, было совсем другое мнение на сей счет.

– Ты же наверняка тогда уже работал, Бекстрём, – вклинилась в разговор Фернандес, обернувшись и одарив комиссара улыбкой. – Когда же это случилось? Когда ее нашли, я имею в виду. Я, конечно, тогда еще не родилась, но ведь все произошло в начале семидесятых? Тридцать пять-сорок лет назад? Не так ли?

– Летом восемьдесят четвертого, – заметил Бекстрём коротко.

«Еще слово, сучка, и я позабочусь, чтобы ты оказалась сторожем на парковке. В Чили». И он зло посмотрел на коллегу Фернандес.

– Вот как, в восемьдесят четвертом, тогда я фактически уже родилась. – Фернандес явно не собиралась сдаваться, по-прежнему демонстрируя свои белые зубы.

– Можешь не сомневаться. А ты выглядишь значительно старше, – констатировал Бекстрём, который также не помышлял о капитуляции.

– Кстати, у нас есть что рассказать о нашем нынешнем де-

ле, – сообщил Хольм, пытаясь сгладить ситуацию, и осторожно покашлял, в то время как Фернандес повернулась спиной к Бекстрёму и на всякий случай принялась перелистывать бумаги в папке с рабочими записями. – Мы ведь приехали как раз оттуда.

– Я слушаю, – сказал Бекстрём.

Хольм и Фернандес стали первым патрульным экипажем, прибывшим на место преступления. Они как раз успели попить кофе на открытой по ночам заправке Статойла позади торгового центра Сольны, когда получили сигнал тревоги по рации. С включенной сиреной и мигалкой они через три минуты добрались до Хасселстиген, дом 1.

Дежурный призвал их к осторожности. По его мнению, «лицо мужского пола», которое сообщило о преступлении, вело себя не так, как обычно делают люди, звонящие с подобными новостями. Этот человек не лез на стены и даже прекрасно контролировал свой голос. Говорил подозрительно спокойно и собрано, скорее как делали психи, когда связывались с полицией с целью поведать о своих последних подвигах.

– Звонивший – разносчик газет. Молодой иммигрант. На вид очень приятный парень, поэтому, я думаю, о нем мы можем забыть, если тебя интересует мое мнение, – подвел итог Хольм.

«Кто, черт побери, будет спрашивать твое мнение о по-

добном», – мысленно огрызнулся Бекстрём.

– Давай тогда о жертве. Что нам известно?

– Это владелец квартиры. Его зовут Карл Даниэльссон. Пожилой одинокий человек, шестидесяти восьми лет. Пенсионер, – объяснил Хольм.

– И в этом вы абсолютно уверены? – спросил Бекстрём.

– На сто процентов, – кивнул Хольм. – Я сразу его узнал. Сам задерживал его за пьянку на ипподроме Солвалла несколько лет назад. Он дал нам потом жизни, написал заявление на меня и моих коллег и обвинил во всех смертных грехах. И это не первый раз, когда он отличился. Социальные проблемы, алкоголь и все такое. Типичный маргинал, как их сегодня называют.

– Обычный пьяница, ты имеешь в виду, – поправил Бекстрём.

– Да, пожалуй, так можно выразить суть дела, – согласился Хольм неожиданно таким тоном, словно хотел сменить тему.

Пять минут спустя они высадили Бекстрёма у подъезда на Хасселстиген, 1, и Хольм пожелал ему удачи. Сам же он со своей напарницей собирался взять курс на здание полиции, поскольку им требовалось заполнить все необходимые бумаги, но в случае необходимости готов был прийти на помощь Бекстрёму по первому звонку.

«О чем это он?» Бекстрём вылез из машины, даже не поблагодарив за то, что его подвезли.

Все как обычно, подумал Бекстрём, когда вылез из автомобиля. С внешней стороны опоясавших Хасселстиген, 1 ограждений толпились журналисты и фотографы, жильцы близлежащих домов и просто любопытные, у кого не нашлось занятия получше. Плюс, естественно, обычные представители местной шпаны, которые наверняка оказались здесь, даже не задаваясь вопросом, как это, собственно, произошло. Помимо прочих, три молодых загорелых дарования, не упустившие возможность прокомментировать наряд и внешний вид Бекстрёма, когда он не без труда подлезал под оградительную ленту.

Бекстрём обернулся и впился в них взглядом, пытаясь запомнить на случай, если в один прекрасный день их пути пересекутся. Это было только вопросом времени, а когда пробьет его час, комиссар намеревался обеспечить молокососам просто незабываемые впечатления.

Проходя мимо стоявшего перед входом в подъезд молодого, одетого в форму коллеги, он отдал первый приказ в своем новом расследовании убийства.

– Позвони в сыск и попроси их прислать пару парней, пусть сделают несколько приличных фотографий нашей дорогой публики.

– С этим уже полный порядок, – констатировал коллега. –

Это было первое, о чем меня попросила Утка, стоило ей появиться здесь. Парни из сыска уже наверняка приезжали и нащелкали кучу кадров, — добавил он.

— Утка? Какая к черту утка?

— Анника Карлссон. Ты ее знаешь, такая высокая, темно-волосая, она раньше работала в комиссии по ограблениям. Ее прозвали Уткой.

— Ты имеешь в виду чертову лесбиянку? — поинтересовался Бекстрём.

— С подобными вопросами, пожалуйста, не ко мне, Бекстрём, — сказал коллега и ухмыльнулся. — Хотя там все ясно. Слухи ведь сами не рождаются.

— И что за слухи? — спросил Бекстрём настороженно.

— С ней надо держать ухо востро, может сломать руку, если что-то не так, — объяснил коллега.

Бекстрём в ответ лишь покачал головой.

«Куда мы катимся, — подумал он, входя в подъезд. — Что происходит со шведской полицией? Педики, лесбиянки, черные и обычные идиоты. Ни одного нормального констебля».

На месте преступления все выглядело как обычно бывает, когда кто-то забил до смерти старого пьяницу в его собственной квартире. Хотя, пожалуй, все обернулось гораздо хуже для того экземпляра, который лежал на спине на коврике перед самой входной дверью. Ногами к ней и с руками,

поднятыми над разmozженной головой чуть ли не в умоляющем жесте. Судя по запаху, фекалии и моча попали на его серые габардиновые брюки, когда он умер. Кровь образовала на полу лужу диаметром один метр. А стены с обеих сторон узкого коридора были забрызганы ею до самого потолка и даже местами попали на него.

Бекстрём покачал головой. Собственно, ему следовало позвонить в журнал «Красивый дом» и намекнуть, что они в виде исключения могут показать что-то реальное из жизни народа.

«Маленький домашний репортаж из социальной группы семидесятилетних», – подумал он, и в это самое мгновение кто-то постучал его по плечу, оторвав от столь интересных размышлений.

– Привет, Бекстрём. Рада видеть тебя, – сказала инспектор Анника Карлссон и кивнула дружелюбно.

– Привет, – ответил Бекстрём, стараясь голосом не выдать своего отвратительного состояния, и посмотрел на собеседницу снизу вверх.

Она была на полголовы выше его, рослого и хорошо сложенного мужчины в расцвете сил. Длинноногая, с осиной талией, просто отлично тренированная и довольно прилично выглядевшая, с какой стороны ни посмотреть. Ей бы отрастить подлиннее волосы да надеть короткую юбку, и она превратилась бы в обычную нормальную бабу. Если не обращать внимания на рост, конечно, поскольку с ним было поздно

что-то делать, даже если она уже прекратила расти в ее-то тридцать с небольшим.

– У тебя есть какие-то особые пожелания, Бекстрём? Эксперты только что закончили предварительный осмотр, и, когда они разрешат увезти труп, ты сможешь осмотреть место преступления.

– Займемся этим потом. – Бекстрём мотнул головой. – Кто это, черт побери? – спросил он и кивнул в сторону маленькой темнокожей личности, сидевшей на корточках спиной к стене в стороне на лестничной площадке. С непроницаемым и грустным выражением лица и с тяжелой сумкой на плече, из которой торчали несколько печатных изданий.

– Разносчик газет, он и поднял тревогу, – объяснила коллега Карлссон.

– Могу себе представить, – кивнул Бекстрём. – Поэтому сумка с ними у него на плече.

– Ты проницателен, Бекстрём, – сказала Анника Карлссон. – А точнее, с пятью номерами «Дагенс нюхетер» и четырьмя «Свенска дагбладет». Экземпляр «Свенска» жертвы там у двери, – продолжила она и кивнула в сторону сложенной газеты, лежавшей на полу у входа в квартиру. – Одну «Дагенс нюхетер» он успел занести пожилой подписчице, которая живет на первом этаже.

– Что мы знаем о нем? Разносчике, я имею в виду?

– Во-первых, он выглядит совсем зеленым, – сказала Анника Карлссон. – Эксперты уже просветили его и не нашли

ни малейших следов крови на теле и одежде. Принимая в расчет то, как все выглядит там внутри, он наверняка весь перепачкался бы ею, будь это его работа. Если верить ему, он коснулся лица убитого, точнее, его щеки, а когда заметил, что она абсолютно окоченелая, понял, что тот мертв.

– У него есть какая-то медицинская подготовка?

«Ничего себе, – подумал Бекстрём. – Ну и выдержка у этого негритенка».

– Насколько я поняла, он видел много мертвых у себя на родине, – сказала Карлссон, без улыбки на этот раз.

– А он, по случаю, ничего не стащил? – спросил Бекстрём, повинувшись старым рефлексам, связанным с подобными личностями.

– Его обыскали. Это сделал патруль в качестве первой меры, прибыв сюда. У него в кармане нашли кошелек с водительскими правами, удостоверением, выданным фирмой, от которой он распространяет газеты, и небольшой суммой денег монетами и купюрами, примерно сотня, если я правильно помню, и главным образом монетами. Плюс его собственный мобильный телефон. Мы уже взяли номер, если тебе интересно. Если он стащил что-нибудь, у него в любом случае не было этого с собой, а поскольку мы уже обыскали дом без какого-либо результата, парень вряд ли успел бы спрятать свою добычу.

«Ничего себе. Они к тому же ленивы, эти дьяволы», – констатировал Бекстрём.

– Сколько раз он звонил?

– По его словам, лишь однажды. По экстренному номеру один-один-два. Его соединили с коллегами из Ямы. Сотрудник нашего центра управления – единственный, с кем он якобы разговаривал, но это мы, естественно, проверим.

– У него есть какое-то имя? – спросил Бекстрём.

– Септимус Акофели, двадцати четырех лет, беженец из Сомали, шведский гражданин, живет в Ринкебю. У него взяли отпечатки пальцев и ДНК, которые мы еще не проверили, но я почти не сомневаюсь, что он тот, за кого себя выдает.

– Как, ты говоришь, его зовут? – переспросил Бекстрём.

– Септимус Акофели, – повторила Анника Карлссон. – Я единственно задержала его здесь, поскольку подумала, что ты, пожалуй, захочешь с ним поговорить.

– Нет, – покачал головой Бекстрём. – По мне, так можешь отослать его домой. Зато я собирался, конечно, взглянуть на место преступления. Если наши полуакадемики из технического отдела закончат когда-нибудь, как их там зовут.

– Петер Ниemi и Йорге Фернандес, по прозвищу Чико, – сказала Анника Карлссон и кивнула. – Они из нашего участка Сольны, и лучших мы не могли бы желать, если тебя интересует мое мнение.

– Фернандес? Где я слышал эту фамилию? – задумался Бекстрём.

– У него есть младшая сестра Магдалена, которая работает здесь в патрульной службе. На нее ты наверняка обратил

внимание, поэтому и вспомнил фамилию, – сообщила Анника Карлссон и многозначительно улыбнулась.

– И почему же? – поинтересовался Бекстрём.

– Самый красивый полицейский в юбке во всей Швеции, по мнению большинства коллег. Сама я считаю ее очень хорошей девочкой, – сказала коллега Карлссон.

– Вот как, – проворчал Бекстрём.

«Поскольку ты была с ней».

В квартире все выглядело так дьявольски, как и ожидал Бекстрём. Сначала небольшая прихожая, слева маленькая ванная и туалет, а затем небольшая спальня. Справа кухня, и прямо впереди гостиная. Всего примерно пятьдесят квадратных метров, и, судя по всему, хозяин давно в квартире не прибирался. Во всяком случае, в текущем году у него до этого явно не дошли руки.

Мебель была обшарпанная, и все остальное в квартире вполне соответствовало ей. Начиная с незастланной постели с подушками без наволочек и заляпанного всем на свете кухонного стола и кончая старым просевшим диваном в гостиной. При этом отдельные вещи свидетельствовали о том, что Карл Даниэльссон знал и лучшие дни. Например, несколько потертых персидских ковров. Солидный старинный письменный стол красного дерева с инкрустацией из более светлых пород. Двадцатилетней давности (слава богу, хоть такой) телевизор. И английское кожаное кресло перед ним с

соответствующей подставкой для ног.

«Алкоголь, – подумал Бекстрём. – Алкоголь и одиночество».

И сам он не чувствовал себя хуже с тех пор, когда гориллы из Национального спецподразделения бросили ему в голову шумовую гранату полгода назад. Он пришел в себя только на следующий день, и к тому времени они уже успели засунуть его в психбольницу в Худдинге.

– У тебя есть еще какие-то пожелания, Бекстрём? – спросила Анника Карлссон с немного обеспокоенным видом.

«Пара рюмок шнапса и большой бокал крепкого пива. И если ты дашь своим волосам отрасти и наденешь юбку, мы могли бы заняться оральным сексом. Хотя на большее мне не стоит рассчитывать», – подумал он, поскольку уже сутки его одолевали сомнения относительно земных наслаждений и плотской любви.

– Нет, – сказал он и покачал головой. – Увидимся в участке.

«Что-то здесь не сходится, – думал Бекстрём, неторопливо шагая к зданию полиции. – И что же тогда? И как мне это вспомнить, когда мой мозг подвергся резкому обезвоживанию и в нем, возможно, уже произошли необратимые изменения».

Нет, точно надо прибить чертова эскулапа!

Около трех часов пополудни у Бекстрёма состоялось первое совещание разыскной группы по расследованию нового убийства. И, окинув своих помощников взглядом, он подумал, что за двадцать пять лет службы в качестве специалиста по раскрытию насильственных преступлений в его распоряжении порой бывало и больше людей, хотя и меньше тоже. Всего их было восемь, включая его самого и двух экспертов, но парням из техотдела предстояло переключиться на другие задания, как только они разберутся с самым необходимым относительно Карла Даниэльссона. Оставались один плюс пять, и при мысли о том, что он пока видел и слышал от своих помощников, положиться по-хорошему можно было только на одного человека, комиссара Эверта Бекстрёма, его самого. А на кого же еще, кстати? Ведь тем все обычно и заканчивалось. Бекстрём оставался последней надеждой всех скорбящих близких. Даже если в случае Даниэльссона всю родню, скорее всего, заменил винный магазин.

– Ладно, – сказал Бекстрём. – Чувствуйте себя как дома, и пока это касается всех вас. Если произойдут какие-то изменения по данному пункту, не сомневайтесь, я сразу же сообщу. Может, кто-то хочет первым взять слово?

– Пожалуй, стоит начать с нас, с меня и моего коллеги, – сказал старший из экспертов, Петер Ниemi. – Мы только на-

чали заниматься квартирой, так что у нас хватает дел.

* * *

Петер Ниemi работал полицейским двадцать пять лет, из которых пятнадцать он был экспертом. Ему исполнилось пятьдесят, но он выглядел значительно моложе. Светловолосый, голубоглазый, хорошо тренированный, намного выше среднего роста. Он родился и вырос в Торнедалене. Прожил полжизни в Стокгольме, но так и не избавился от акцента, характерного для его родных мест. Он почти постоянно улыбался и сохранял дружелюбный, хотя и настороженный взгляд. И почти любой человек, сколь бы законопослушен он ни был, мог сразу распознать в нем полицейского, и то, что он уже пятнадцать лет не носил форму, не имело никакого значения. И все из-за выражения глаз. Петер Ниemi был полицейским, но всегда оставался добрым и дружелюбным, если при нем вели себя по-людски. В противном случае он мгновенно менялся, и тогда его узнавали уже с другой стороны.

– Хорошо, – сказал Бекстрём. – Я слушаю.

«Чертов лопарь, говорит так, словно только приехал из Хапаранды, и чем раньше у меня отпадет необходимость выслушивать этого придурка, тем лучше».

– Ну, тогда так, – начал Ниemi и перелистал свои бумаги.

Жертву звали Карл Даниэльссон. Пенсионер, шестидесяти восьмью лет. Согласно его паспорту, найденному экспертами в квартире, он имел рост сто восемьдесят восемь сантиметров и весил примерно сто двадцать килограммов.

– Крепко сложен и с приличным избыточным весом, порядка тридцати кило, – сказал Ниemi, который сам брал труп под руки, когда его перекладывали на носилки. – Точные цифры мы получим от дяденьки доктора.

«На кой они нам сейчас нужны, – подумал Бекстрём угрюмо. – Мы ведь вряд ли собираемся перемалывать на колбасу нашу жертву убийства».

* * *

– Место преступления, – продолжал Ниemi, – это собственная квартира жертвы. Точнее, ее прихожая. Мне кажется, он находился в сортире и получил первую оплеуху, когда вышел оттуда и застегивал гульфик. Судя по положению брызг и наполовину застегнутой молнии на штанах, если кого-то интересует. Потом его бьют еще, быстро, раз за разом, и последние удары он получает, когда уже лежит на полу.

– И чем его бьют? – уточнил Бекстрём.

– Синей эмалированной крышкой от чугунной кастрюли, – сказал Ниemi. – Она валялась рядом с трупом. А сама кастрюля стояла на плите в кухне, до которой всего три

метра. Кроме того, – продолжил он, – преступник, похоже, также использовал молоток обивщика мебели с деревянной ручкой. Она сломана у самой ударной части, и ударная часть, и сама ручка лежат на полу в прихожей. Около головы жертвы.

– Наш преступник – старательный малый, – заметил Бекстрём.

– Ну, малым-то его не назовешь. По крайней мере, судя по углу ударов, а вот в старательности ему не откажешь, хотя сначала это было трудно разглядеть, поскольку все лицо и грудь жертвы залиты кровью, – сказал Ниemi. – Его ведь и задушили тоже. Собственным галстуком. Когда он лежал там на полу без сознания и уже умирал, преступник затянул его галстук и в конце для верности зафиксировал удавку обычным бабьим узлом. Без всякой на то необходимости, если вы спросите меня. Но, конечно, лишнего не бывает, если человек хочет быть уверенным в результате. – Ниemi пожал плечами.

– У тебя есть какие-то идеи относительно того, кто это сделал? – спросил Бекстрём.

– Типичное убийство алкаша, Бекстрём, – сказал Ниemi и улыбнулся дружелюбно.

– Каково твое мнение относительно времени? – поинтересовался Бекстрём.

– Перехожу к этому. Сейчас нам не стоит спешить, Бекстрём, – сказал Ниemi. – Прежде чем жертву забили, он и

еще один человек (который любезно оставил нам свои отпечатки пальцев, но мы их еще не идентифицировали) сидели за придиванным столиком в гостиной и ели жареную свинину с тушеными красными бобами. Хозяин дома, возможно, расположился в единственном кресле, а его гость на диване. Однако прибраться за собой потом они так и не успели. Мы нашли много пальчиков обоих, если это вас сейчас интересует, и, надо надеяться, завтра получим ответ. И если нам повезет, наш преступник уже дактилоскопирован, и его отпечатки есть в регистре. За едой парочка выпила пять поллитровых банок крепкого пива и бутылку с лишним водки. У нас одна пустая бутылка и одна початая. Обычной формы по ноль семь литра и обычной марки «Эксплорер». Обе крышки валяются на полу перед телевизором, где они сидели и ели, и, судя по всему, бутылки были неоткрытыми, когда они начали. Помимо всего прочего, на пробках осталась запечатка. Вы знаете, перфорированная полоска вдоль пробки снизу. Она еще издает своеобразный звук, когда вскрываешь бутылку в первый раз.

– Еще что-нибудь? О преступнике и предшествовавших убийству событиях?

– Я думаю, тот, кто это сделал, физически сильный человек, – сказал Ниemi и кивнул рьяно. – Прежде всего, из-за фокуса с галстуком. Потом он перевернул тело, так как сначала жертва упала на бок или, возможно, на живот, это мы можем утверждать, помимо всего прочего, по тому, как бе-

жала кровь, но, когда мы нашли жертву, она лежала на спине. По-моему, убийца перевернул жертву на спину для того, чтобы задушить.

– И когда это все произошло? – неожиданно спросила Анника Карлссон, прежде чем у Бекстрёма появился шанс задать тот же вопрос.

– Если тебя интересует мнение такого невежды в медицине, как я (а жертву ведь будут вскрывать только вечером), то, по моим догадкам, все произошло вчера ближе к ночи, – ответил Ниemi. – Я и Чико прибыли туда почти ровно в семь утра, и тогда трупное окоченение уже полностью охватило тело, но больше об этом и всем другом, как уже сказано, вы сможете узнать завтра. – Ниemi оглядел присутствующих в комнате и сделал попытку подняться со стула. – Мы отправили кое-какой материал в Главную криминалистическую лабораторию в Линчепинг на анализ, но они наверняка дадут ответ не раньше чем через пару недель. Правда, я думаю, это не играет особо заметной роли в данном деле. Просто небольшая задержка. Преступник никуда от нас не денется. Коллеги из технического отдела криминальной полиции лена обещали помочь нам с отпечатками пальцев, так что, если повезет, с данным делом мы справимся уже к выходным. А в понедельник, я думаю, мы сможем дать вам приличное описание того, что случилось в квартире, – добавил Ниemi, поднимаясь.

– Спасибо, – сказал Бекстрём и кивнул Ниemi и его мо-

лодому коллеге.

«Как только мы поймаем того, с кем ужинал Даниэльссон, на том все и закончится, — подумал он. — Один алкаш убивает другого, ничего сложнее здесь нет».

Как только эксперты покинули комнату, в рядах разыскной группы началось брожение, кому-то понадобилось размять ноги, другим покурить. Будь с ним все нормально, он, естественно, предложил бы им всем заткнуться, но Бекстрём чувствовал странную апатию и только кивнул в знак согласия. Сейчас он с удовольствием оказался бы где-то в другом месте, но за неимением лучшего направился прямо в туалет и влил в себя по меньшей мере пять литров холодной воды.

– Тогда так, – сказал Бекстрём, когда они вернулись в совещательную комнату. – Сейчас мы займемся жертвой. Потом обменяемся мыслями, а прежде чем расстанемся, пройдемся по списку уже сделанных дел и того, что нам предстоит сделать завтра. Сегодня четверг 15 мая, и я полагаю, мы управимся к выходным и сможем посвятить следующую неделю более важным служебным заданиям, чем господин Даниэльссон. Что мы узнали о нашей жертве, Надя? – продолжил Бекстрём и кивнул маленькой полной женщине лет пятидесяти, которая сидела с противоположного от него торца стола и уже успела забаррикадироваться за большой горой бумаг.

– Кое-что накопила, – сказала Надя Хегберг. – Я прошлась по нашим сводкам, и не напрасно. Потом переговорила с его младшей сестрой, кстати единственной близкой родственницей убитого, и она тоже посодействовала мне.

– Я слушаю, – сказал Бекстрём, хотя его мысли находились совсем в другом месте, а в голове эхом отдавался приятный звук, возникающий при скручивании пробки.

Карл Даниэльссон родился в Сольне в феврале 1940 года, и, следовательно, на момент смерти ему было шестьдесят восемь лет и три месяца. Его отец работал печатником

и мастером-технологом в местной типографии. А мать вела хозяйство. Оба родителя давно умерли. Из ближайших родственников у него только сестра. Она живет в Худдинге к югу от Стокгольма и на десять лет младше своего брата.

Карл Даниэльссон был одинок. Он, по имевшимся в распоряжении полиции сведениям, никогда не был женат и не имел детей. Четыре года ходил в народную школу в Сольне, затем пять лет в школу второй ступени, а закончив ее, три года проучился в Похлмановском коммерческом училище в Стокгольме. В девятнадцать лет получил диплом о законченном гимназическом образовании с экономическим уклоном, а потом проходил военную службу в качестве рядового в авиационном полку в Баркарбю. Демобилизовался десять месяцев спустя и получил свою первую работу сотрудника бухгалтерского бюро в Сольне летом 1960 года. Карлу Даниэльссону тогда было двадцать лет.

Тем же летом он также впервые попал в полицейский отчет. За управление автомобилем в нетрезвом состоянии его наказали штрафом в размере шестидесяти дневных заработков и лишили прав на шесть месяцев. Через пять лет история повторилась. Пьяный за рулем, шестидесять дневных заработков. Права опять отобрали, и теперь на год. Прошло целых семь лет, прежде чем он прокатился под кайфом снова, и в тот раз последствия оказались значительно серьезнее.

Будучи пьяным как свинья, Карл Даниэльссон въехал в колбасный киоск на Сольнавеген и вдобавок смылся с ме-

ста аварии. В совокупности за два этих проступка суд Сольны приговорил его к трем месяцам тюрьмы и лишению водительской лицензии. Даниэльссон обратился к услугам известного адвоката, приговор обжаловали в высшей инстанции, он представил две справки о своих проблемах с алкоголем, ему отменили наказание за то, что он покинул место аварии, и отправили не в тюрьму, а на принудительное лечение. Права он, однако, так и не получил назад, но даже не позаботился о новых по окончании испытательного срока. Последние тридцать шесть лет своей жизни Карл Даниэльссон не имел водительского удостоверения и больше пьяным за рулем не попадался.

Зато даже в качестве обычного пешехода он продолжал навлекать на себя неудовольствие полиции. За тот же период его пять раз отправляли в кутузку на основании Закона по обращению с нетрезвыми лицами, и, вероятно, таких случаев было даже больше, просто Даниэльссон обычно отказывался сообщать свое имя, что ему в общем-то и не требовалось делать, а когда его забирали в последний раз, все получилось еще хуже.

Это произошло во время скачек на ипподроме Солфалла в мае, за пять лет до его смерти. Даниэльссон был пьян и буянил и, когда его попытались посадить в полицейский автобус, стал отбиваться руками и ногами. Соппротивление сотрудникам полиции и насилие в отношении их – и в результате его не просто забрали как пьяницу, а задержали как на-

рушителя закона, пусть все и закончилось точно как обычно тем, что его поместили в камеру-вытрезвитель полицейского участка Сольны. А когда выпустили шесть часов спустя, Даниэльссон написал заявление на тех, кто его задерживал, и на сотрудников участка, обвинив их в избиении. Всего троих полицейских и двух надзирателей. В дело включился очередной знаменитый адвокат, снова появились медицинские справки, и представление развернулось по полной программе. Прошло более года, прежде чем суд в первый раз собрался для рассмотрения данного дела, но его заседание сразу и закончилось, так как оба свидетеля прокурора не явились по неизвестной причине.

Поскольку адвокат Даниэльссона был занят выше головы, прошел еще год, прежде чем процесс возобновился. И тогда тоже ничего не получилось, так как свидетели прокурора опять не почтили его своим присутствием. Стороне обвинения все это надоело, и она закрыла дело. А Карл Даниэльссон остался невиновным, по крайней мере относительно данных событий своей жизни.

– Принимая в расчет то, что человека крайне редко забирают и задерживают за подобные преступления, он, скорее всего, постоянно пребывал в подпитии, – констатировала Надя Хегберг со знанием дела. Она десять лет проработала в полиции в качестве гражданской служащей, но в прежней жизни была Надеждой Ивановой и защитила докторскую

диссертацию на факультете физики и прикладной математики в университете Санкт-Петербурга. В старое время, когда Санкт-Петербург назывался Ленинградом, а академические требования были гораздо жестче, чем в новой и свободной России.

– Как еще он проявил себя тогда? Помимо того что скандалил, будучи в нетрезвом виде, я имею в виду? – спросил Бекстрём.

При этом он кивнул Наде Хегберг, тем самым продемонстрировав свою заинтересованность, хотя таковой не наблюдалось и в помине. Его меньше всего волновало общение жертвы преступления с более или менее недалекими коллегами из транспортной полиции и службы правопорядка. Он просто хотел как можно быстрее разобраться с ней и наконец поставить точку в их бессмысленной встрече. И поскорее отправиться к себе на Инедалсгатан к остаткам того, что до вчерашнего дня было его домом. А там постоять под душем, хоть как-то успокоить хаос в голове и влить в себя несколько литров ледяной воды. Нажраться сырых овощей и, наконец, сделать все то, что ему еще осталось в жизни, которая днем ранее потеряла и цель, и смысл.

«Неужели ты никогда не научишься держать язык за зубами», – подумал Бекстрём пять минут спустя.

Просто Надя Хегберг поймала его на слове и сразу же начала докладывать об активности Даниэльссона в экономиче-

ском плане и недоразумениях с правоохранительными органами, к которым они, в свою очередь, привели.

В тот самый год, когда его впервые осудили за вождение в нетрезвом виде, Карла Даниэльссона повысили из обычного сотрудника в заместители начальника того подразделения их бюро, которое занималось «фондами, товариществами, коммерческими и некоммерческими организациями, оставшимися после покойников имуществом и долгами, частными лицами и прочим». Потом его дела резко пошли в гору. Сначала он перешел на должность экономического советника и консультанта по налогам своего предприятия, а через несколько лет стал его шефом и заместителем председателя правления.

А через неделю после этого у него случился близкий контакт с колбасным киоском на Сольнавеген, ему тогда как раз исполнилось тридцать два, и его понизили до заместителя генерального директора и обычного члена правления. А еще через пару лет он подмял под себя всю компанию и переименовал ее в Консалтинговую фирму Карла Даниэльссона. Согласно учредительским документам, она занималась консультациями по экономическим и финансовым вопросам, а также различными проблемами, связанными с налогами и инвестициями, управлением собственностью и капиталом, что, вероятно, было хорошей работой, поскольку во времена наивысшего расцвета в штат предприятия, похоже, никогда не входило более четырех сотрудников. Одной секретарши

и еще трех так называемых консультантов с неясными рабочими задачами. Сам Карл Даниэльссон являлся владельцем, генеральным директором и председателем правления.

И с этой ролью он также явно справлялся значительно лучше, чем с ролью водителя и пешехода. Ведь в течение двадцати трех лет, то есть в период с 1972 по 1995 год, ему предъявляли обвинения в различных экономических преступлениях всего в десяти случаях. В четырех из них в соучастии в обычном налоговом мошенничестве и налоговом мошенничестве в крупных размерах, в двух – в валютных махинациях, еще в двух, в так называемом отмывании денег, в одном в укрывательстве краденого в крупных размерах, и еще одно дело касалось утраты доверия в отношении ответственного лица. И все возбужденные в отношении его дела закончились ничем. Обвинения против Даниэльссона не удалось доказать, и каждый раз он переходил в контрнаступление и заявлял на своих противников омбудсмену, или канцлеру юстиции, или на всякий случай обоим сразу.

И в этом он также добивался больших успехов, чем его оппоненты. В результате один из сотрудников экономического отдела полиции Стокгольма получил выговор от Государственного полицейского управления, и его наказали на четырнадцать дневных заработков. Омбудсмен от души разобравшись с одним прокурором и одним ревизором из налоговых органов. А канцлер юстиции привлек к ответственности некую вечернюю газету, и ее признали виновной в грубой

клевете.

После 1995 года, однако, все, похоже, успокоилось. Консалтинговая фирма Карла Даниэльссона поменяла название на холдинг его имени. Но никакой собственно деятельности, судя по всему, она уже не осуществляла, и никаких сотрудников тоже больше не имела. Надя Хегберг заказала домой последние годовые отчеты Бюро патентов и регистрации и намеревалась посвятить им свои выходные.

Никаких сомнительных доходов он также не имел. Надя Хегберг добыла его налоговые декларации за последние пять лет, и, судя по ним, доход покойного постоянно находился в пределах ста семидесяти тысяч крон в год и состоял из его государственной пенсии и небольшой добавки из фонда пенсионного страхования Скандия. Квартира, где он жил, стоила четыре тысячи пятьсот крон в месяц, и за вычетом налогов и квартплаты у него оставалось пять тысяч в месяц на все прочее.

Если бы человеческие успехи измерялись титулами, которые он или она присваивали сами себе, то Карл Даниэльссон прожил успешную жизнь и закончил ее, находясь в зените. В двадцать лет он начал свою карьеру обычным клерком в бухгалтерском бюро с тридцатью пятью сотрудниками. А когда сорок восемь лет спустя неизвестный преступник положил ей конец, разmozжив ему голову чугунной крышкой от кастрюли, та фирма, где он проработал всю свою взрослую жизнь, практически не существовала уже пятнадцать лет.

Однако в телефонном каталоге он числился генеральным директором холдинга Карла Даниэльссона, а согласно визитным карточкам, которые эксперты нашли в его в остальном абсолютно пустом бумажнике, вдобавок являлся еще председателем его правления.

«Пьяница и патологический лгун», – заключил Бекстрём.

– Ты разговаривала с его сестрой, – сказал Анника Карлссон, как только Надя Хегберг закончила. – Как она относится к тому, что ты сейчас рассказала?

По словам Нади Хегберг, сестра, по большому счету, все подтвердила. В молодости ее брат был «большим поклонником женщин» и «слишком любил выпить». При этом у него все складывалось хорошо приблизительно до сорока лет, но потом страсть к спиртному, похоже, стала играть все большую роль в его жизни. Она также объяснила, что они никогда не имели особо близких отношений. И за последние десять лет даже ни разу не разговаривали по телефону, а их последняя встреча состоялась на похоронах матери двенадцать лет назад.

– Как она восприняла, когда ты рассказала ей о том, что ее брата убили? – спросила Анника.

«Черт побери, – простонал про себя Бекстрём. – Неужели нельзя помолчать хоть минуту?»

– Хорошо, – сказала Надя и кивнула. – Она восприняла это хорошо. Сама работает санитаркой в психбольнице

к Худдинге и выглядит разумным и спокойным человеком. По ее словам, она особенно не удивилась произошедшему. Ожидала чего-то подобного много лет. При мысли о его образе жизни.

– Давайте не углубляться в ненужные подробности, – перебил ее Бекстрём. – Что вы сами думаете об этом?

Потом состоялся обмен мнениями. Вернее, мнение было только одно, и на всякий случай он лично озвучил его.

– Так вот, – начал Бекстрём, поскольку у остальных, похоже, в виде исключения хватило ума промолчать и дать ему высказаться. – Одного алкаша убил другой алкаш, и, если у кого-то есть другое предложение, пожалуй, самое время поделиться им сейчас, – продолжил он, наклонившись вперед и опершись локтями о стол, и зло посмотрел на своих помощников.

Ни у кого не нашлось возражений, судя по тому, что все в унисон закивали.

– Хорошо, – сказал Бекстрём. – Тогда здесь все ясно. Остается отыскать того, с кем Даниэльссон вчера вместе ужинал. Поквартирный обход в его доме. Как у нас обстоит дело с ним? – продолжил Бекстрём.

– По большому счету закончен, – сообщила Анника Карлссон. – Пару соседей мы не застали, и несколько человек попросили отсрочки до вечера, поскольку опаздывали на работу. Еще у одного был назначен визит к врачу на девять

часов, и он не смог уделить нам времени. Я рассчитывают разобраться со всеми к завтрашнему дню.

– Судмедэксперт?

– Он обещал сделать аутопсию вечером и в любом случае дать нам устное заключение в начале следующей недели. Коллега Фернандес будет присутствовать при вскрытии, и, надо надеяться, мы узнаем все самое важное уже рано утром, – констатировала Анника Карлссон.

– Мы разговаривали с таксомоторной фирмой, получили какие-то интересные сведения, прошерстили окрестности, разобрались с его кругом общения, уточнили, чем он занимался в последние часы перед тем, как его убили, поговорили с...

– Не волнуйся, Бекстрём, – перебила его Анника Карлссон и широко улыбнулась. – Все идет своим чередом. У нас все под контролем. Так что не беспокойся.

«Ну, до полного покоя мне далеко», – подумал Бекстрём, но, естественно, у него и мысли не возникло это сказать. Он просто кивнул, собрал свои бумаги и поднялся.

– Увидимся завтра. Еще одно дело, пока мы не разошлись. Относительно разносчика газет, который поднял тревогу. Сотмуса Акофели...

– Септимус, – поправила его Анника Карлссона даже без намека на улыбку. – Его зовут Септимус Акофели. Его уже фактически проверили. Коллеги сравнили отпечатки пальцев, взятые на Хассельстиген, с теми, что он оставил в ми-

грационной службе, когда приехал сюда двенадцать лет назад. Он тот, за кого себя выдает, и за ним не числится никаких грехов, если тебя это сейчас интересует.

– Я тебя слышал, – сказал Бекстрём. – Но с этим придурком что-то не так.

– И о чем речь? – спросила Анника Карлссон и покачала коротко подстриженной головой.

– Не знаю, – пожал плечами Бекстрём. – Я занимаюсь данным вопросом, а вам, остальным, стоит, по крайней мере, поразмыслить над ним.

Покинув совещательную комнату, он направился прямо к своему новому шефу, Анне Хольт, и доложил ситуацию по делу. Жертва – пьяница. Преступник (почти со стопроцентной вероятностью) из той же серии. Все под контролем. Убийца будет за решеткой самое позднее в понедельник, и на все это у него ушло три минуты, хотя он просил пять. Хольт явно вздохнула с облегчением, когда он ушел. Ее мысли занимало другое дело, и по сравнению с ним убийство Бекстрёма выглядело чуть ли не даром Божиим.

«Немного порадовал худую стерву», – подумал Бекстрём, когда наконец вышел на улицу и оставил за спиной место, где ему начиная с сегодняшнего дня предстояло в муках зарабатывать себе на хлеб насущный.

Ежи Сарницкий, двадцати семи лет, был плотником из Польши. Он родился и вырос в Лодзи и уже несколько лет был одним из тех, кто постоянно приезжал в Швецию на заработки. Уже месяц он и его товарищи занимались полным восстановлением небольшого дома на Экенсбергсвеген в Сольне не более чем в километре от места преступления на Хассельстиген, дом 1. Восемьдесят крон в час прямо в руки и возможность работать двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, если есть желание. Еду они покупали в близлежащем магазине сети «Иса», спали в доме, где работали, а со всем другим вполне могли и повременить, пока не вернутся к себе домой в Польшу.

Примерно в то время, когда Бекстрём покинул здание полиции в Сольне, Сарницкий сделал свою находку. Он вытащил на улицу черный пластиковый мешок со строительным мусором, чтобы выбросить его в контейнер. Поднявшись на шаткую ступеньку, он обнаружил другой мешок на самом верху кучи всякого хлама, который попал туда без участия его самого или его товарищей. В этом не было ничего необычного – живущие по соседству шведы использовали любую возможность избавиться от ненужного барахла, но поскольку он по личному опыту знал, что они порой выкидывали вполне приличные вещи, то наклонился и выловил

посторонний мешок.

Он был самый обычный, из черного пластика. Тщательно затянутый сверху и завязанный. А внутри, судя по всему, находилась одежда.

Сарницкий спустился со ступеньки. Открыл мешок и достал его содержимое. Там оказался черный пластиковый дождевик. Почти новый на вид. Пара красных перчаток для мытья посуды. Явно почти неиспользованных. Тапочки из темной кожи, которые также выглядели почти новыми.

– Почему выбрасывают подобное, – произнес Сарницкий удивленно и в то самое мгновение обнаружил кровь на том, что сейчас нашел. Ее брызги обильно покрывали дождевик. И светлые подошвы тапочек были испачканы в ней. Крови хватало и на перчатках, хотя кто-то явно пытался мыть их.

Об убийстве на Хассельстиген он знал уже с утра, когда появился их шведский руководитель работ и рассказал о случившемся в захлеб. Вот как бывает, бедняга пенсионер явно пострадал ни за что, и ни один приличный нормальный человек больше не осмелится выйти на улицу.

«Боже, о чем он говорит, – подумал Сарницкий, слушая вполуха. – Зачем ругать тот рай, в котором они, шведы, фактически живут, ведь тогда он может исчезнуть для них», – размышлял он, поскольку католический пастор дома в Лодзи рано научил его думать таким образом.

Несмотря на это, он довольно долго боролся со своей совестью, прежде чем позвонил в полицию.

Интересно, сколько часов им понадобится, подумал он, стоя в ожидании автомобиля, который ему пообещали прислать. Как много часов по восемьдесят крон они заберут у него и его невесты и ребенка, которого они ждали дома в Польше?

Через пятнадцать минут прибыла патрульная машина с двоими полицейскими в форме. Как ни странно, не проявившими особого интереса к его находке. Они положили все, включая черный мешок, в другой мешок. Записали его имя и номер мобильного. Потом уехали. Хотя перед этим один из них спросил, если у него визитка. Он и его свекор собирались строить баню в их совместном летнем доме на острове Адельсе, и им могли понадобиться умелые люди за приемлемую цену. Ежи дал ему карточку, полученную от шведского руководителя для таких случаев. Потом они укатили.

Поздно вечером высокий светловолосый мужчина, явно выглядевший как полицейский, пусть на нем и была кожаная куртка и обычные джинсы, постучал в дверь дома, где он работал. Ежи открыл ему, поскольку стоял внизу у входа и крепил новые панели, в то время как его товарищи занимались их поздним ужином на пару этажей выше в комнате, где оборудовали для себя временную кухню. Высокий светловолосый мужчина улыбнулся дружелюбно и протянул вперед жилистую руку.

– My name is Peter Niemi¹, – сказал Ниemi. – I am police officer. Do you know, where I can find Jerry Sarnecki?²

– That's me³, – сказал Ежи Сарницкий. – Это я, – объяснил он. – Я немного говорю по-шведски, поскольку несколько лет работаю в Швеции.

– Тогда ты в такой же ситуации, как и я, – сказал Ниemi и широко улыбнулся. – У меня есть несколько вопросов к тебе.

---

¹ Меня зовут Петер Ниemi (*англ.*).

² Я офицер полиции. Ты не знаешь, где я могу найти Джерри Сарницки? (*англ.*)

³ Это я (*англ.*).

Бекстрём проделал весь путь до дома пешком. От самого здания полиции на Сундбюбергсвеген в Сольне до своего дома на Инедалсгатан на Кунгсхольмене. Казалось, его ноги внезапно стали жить своей собственной жизнью, в то время как тело и голова просто следовали за ними, исключительно на автомате, и, закрыв дверь за собой, он едва помнил, чем занимался в последние часы. Во всяком случае, в его потной голове вроде бы ничего не отложилось на сей счет. Встречал ли он кого-то? Разговаривал ли с кем-то? С кем-то из знакомых, кто мог увидеть его в столь бедственном состоянии? Он явно заходил куда-то за покупками, поскольку принес домой пакет с несколькими бутылками минеральной воды и пластиковую упаковку с множеством самых разных таинственных овощей.

«Что это, черт возьми, такое?» – подумал Бекстрём и открыл коробку. Маленькие красные наверняка были помидорами, он их сразу узнал и даже ел в детстве. А зелень, вероятно, салатом? Но все остальное что тогда? Масса странных черных и коричневых шариков самого разного размера. Заячье дерьмо? Лосиное дерьмо? Плюс нечто главным образом выглядевшее как опарыши, но, наверное, являвшееся чем-то другим, поскольку не шевелилось, когда он ковырнул странную субстанцию.

– Что, черт возьми, происходит? – проворчал Бекстрём, взяв курс на душ и сбрасывая с себя по пути одежду.

* * *

Сначала он четверть часа просто стоял под струями воды, сбежавшими по его округлому и гармонично сложенному телу. Тому самому, которое всегда было для него предметом поклонения и которое безумный штатный полицейский врач решил превратить в руины.

Затем он тщательно растерся махровым полотенцем, надел халат и накрыл на стол, поставив на него коробку с овощами и бутылку с минеральной водой. Сначала, на всякий случай, правда, лишний раз проверил свой холодильник, чтобы посмотреть, не осталось ли там какого-нибудь маленького лакомого кусочка, успевшего спрятаться, когда он днем ранее, следуя списку доктора, избавлялся от всех опасных для жизни излишеств, хранимых там. Потом холодильник и кладовка Бекстрёма опустели и такими до сих пор оставались.

Бекстрём занялся своими овощами. Попытался отключить мозг и обоняние, в то время как челюсти механически перемалывали их, но все равно сдался уже на половине коробки. Единственно съедобными оказались маленькие плоды, выглядевшие как опарыши.

«Пожалуй, они и есть», – подумал Бекстрём, отправляя остатки овощного ассорти в свой пустой холодильник.

«Если это опарыши, то мне повезло, – подумал он. – Тогда я, по крайней мере, получил хоть немного белка за последние сутки».

Затем он влил в себя бутылку минеральной воды. Полтора литра. Залпом.

«Наверное, новый мировой рекорд», – решил Бекстрём и выбросил пустую тару в стоявший под мойкой мешок для мусора.

«И чем, черт возьми, мне заняться сейчас, ведь еще только семь», – подумал он, быстро бросив взгляд на свои новенькие швейцарские часы.

Искать припрятанную где-то выпивку не имело смысла. Даже от нее он избавился предыдущим вечером, так как по данному пункту придурочный доктор был просто категоричен. Ничего спиртного, даже вина и пива. Вообще ничего, содержащего даже намек на алкоголь, включая сидр, или случайно забродивший обычный сок, или старый пузырек со средством от кашля, в свое время запрещенным дяденькой доктором и его подельниками.

А спиртного в доме Бекстрёма до этого хватало, поскольку он давно не испытывал недостатка в деньгах. Несколько неоткрытых бутылок солодового виски и водки. Нетронутый литр французского коньяка. Несколько упаковок крепкого чешского пива. Еще больше початых бутылок с разными по

объему остатками. Естественно, ни капли вина, поскольку подобное пьют только всякие педики. А не Бекстрём, абсолютно нормальный шведский мужик в расцвете лет. А также легендарный охотник за убийцами, из тех, о ком втайне мечтает любая женщина.

Бекстрём сунул все это в коробку и позвонил одному из своих соседей. Пьющему по-черному бывшему шефу с ТВ-3, явно слетевшему с катушек, когда они играли в Робинзона где-то на Филиппинах. Он получил выходное пособие в несколько миллионов и должен был через алкоголь уйти в мир иной раньше, чем ему пришла бы в голову мысль написать книгу о его времени на канале и обо всех прочих предшествовавших годах, когда он подвизался в различных фирмах того же концерна медийного сектора. Та жизнь, которую он сейчас вел, наводила на мысль, что его заботливое руководство поступило совершенно правильно.

– Шикарный набор, Бекстрём, – констатировал предполагаемый покупатель, быстро изучив содержимое коробки. – Собираешься переезжать? Или?... Вряд ли ведь дело обстоит столь плохо, что печень вот-вот откажет?

– Вовсе нет, – солгал Бекстрём и улыбнулся дружелюбно, хотя у него возникло ощущение, словно ему сейчас вырвут сердце из груди. – Мне просто надо отъехать в отпуск надолго, и не стоит баловать чертовых домушников хорошим алкоголем. Хватит и прочего дерьма, которое они заберут с

собой.

– Ты прав, Бекстрём, – согласился бывший телевизионный начальник. – Ты получишь пять тысяч за все барахло, – сказал он и, желая подчеркнуть невиданную щедрость, так широко развел руки, что в результате чуть не сел на задницу.

«У этого идиота, наверное, все двоятся сегодня», – подумал Бекстрём. Сам он оценивал свою партию примерно в половину предложенного.

Хотя все понятно. Ему не понадобится тратиться на такси, чтобы кататься до магазина и обратно на протяжении нескольких дней, подумал он.

– Договорились, – сказал Бекстрём и протянул руку в знак подтверждения сделки.

Он получил оплату наличными. Хотя зачем ему были деньги, если он больше не мог ни есть, ни пить, ни даже думать о женщинах.

За неимением лучшего, он решил посмотреть DVD-диск, который заботливый доктор всучил ему в качестве дополнительной путеводной нити. Подспоря в его новых намерениях жить лучшей жизнью. Эскулап знал из своего долгого и обширного опыта, что более тяжелых пациентов, чем личности типа Бекстрёма, трудно найти. Обычные наркоманы, коловшие себя в ноги в отчаянной охоте за целыми венами, были на самом деле ничем по сравнению с обжорами и пья-

ницами вроде Бекстрёма. Бекстрём и ему подобные почти не поддавались лечению, и все из-за того, что целиком и полностью отдавались тому, чем занимались. Они просто ели, ели и ели. И пили, пили и пили. И чувствовали себя при этом как рыба в воде.

В одной американской медицинской газете доктор наткнулся на крайне интересную статью, где описывалось, как в частной клинике в Аризоне испытывали шокотерапию на таких, как Бекстрём. Он обратился с просьбой о деньгах к государственным властям, получил более, чем ему требовалось, и отбыл в США, чтобы в течение нескольких месяцев изучать, как изменялось поведение лиц, обжорством и пьянкой доводивших себя до смерти.

Это было крайне интересно, и с собой в Швецию он привез большое количество иллюстративного материала. Помимо всего прочего DVD, который показал Бекстрёму и предложил забрать домой.

Бекстрём вставил диск в плеер. Три раза глубоко вздохнул, сердце у него в груди забилося как кузнечный молотом, а потом он нажал клавишу воспроизведения. Он видел это кино уже один раз и, если станет слишком страшно, мог закрыть глаза. Точно как тогда, когда ему было четыре года и его папаша, старший констебль в районе Мария, потащил его с собой на утренний сеанс в кино у них дома в Седере. И там Большой серый волк целый час только тем и занимал-

ся, что пытался съесть трех поросят. Маленький Эверт тогда плакал все время, и, только описавшись, избавился от своих мучений.

– Этот плакса никогда не станет настоящим полицейским, – констатировал его отец, возвращая своего единственного сына его больной матери и ее заботам. К шоколаду со взбитыми сливками и свежеиспеченным кренделям с корицей.

Сейчас, значит, пришло время снова. Фильм представлял собой получасовой репортаж из реабилитационной клиники на Среднем Западе для пациентов, которые перенесли относительно легкие кровоизлияния и закупорки сосудов сердца и головного мозга и сейчас возвращались к жизни.

Большинство из них сильно напоминали Бекстрёма. Если не принимать во внимание, что они перемещались при помощи ходунков, со слюнями в уголках рта, мертвыми глазами и вместо слов произносили непонятные звуки. Один из них, настолько похожий на Бекстрёма, что вполне мог сойти за его брата-близнеца, как раз удалялся от камеры, когда его уже приспущенные брюки свалились до щиколоток, и на всеобщее обозрение предстал огромный голубой подгузник, находившийся под ними. Тогда он повернулся в сторону камеры, растянул в улыбке влажные губы, взялся за подгузник и осознал, что случилось.

– No panties⁴, – пробормотал пациент одновременно с тем,

---

⁴ Нет трусов (англ.).

как мягкий голос диктора за кадром рассказал, что как раз данный экземпляр, которому фактически было только сорок четыре года, пусть он и выглядел как старая развалина, в течение многих лет злоупотреблял продуктами с высоким содержанием холестерина, а также пил в больших количествах пиво и бурбон, исходя из некоего нелепого представления, что прием последнего снижал негативное действие первого. В результате пару месяцев назад у пациента произошла относительно неопасная закупорка сосуда головного мозга.

В такой манере все и продолжалось, но Бекстрём уже закрыл глаза и немного замешкался, прежде чем нашел кнопку выключения.

Потом он быстро надел старый тренировочный комбинезон с эмблемой пикета, полученный, когда он был на курсах с гориллами из силовых подразделений, поскольку какая-то светлая голова из полицейского руководства решила, что им, возможно, придется сотрудничать в случае возможной чрезвычайной ситуации.

«Кто, черт побери, в подобном случае обратится к таким», – размышлял Бекстрём в то время, как не без труда зашнуровал свои только что купленные кроссовки, собираясь прогуляться по Кунгсхольмену.

Два часа спустя он вернулся, и, как раз когда вставлял ключ в замок своей двери, его озарило.

«Вот оно в чем дело, – подумал Бекстрём. – Чертов гений в белом халате придумал все с похмелья, и, если есть какая-то справедливость в этом мире, он должен повеситься на собственных кишках».

Только спиртное, никакой жратвы. Тогда кровеносные сосуды будут промыты, как горные ручьи весной, озарило его. И не надо быть доктором, чтобы прийти к такому выводу. Любой думающий человек знает ведь, что алкоголь вообще лучшее средство для расслабления из всех существующих.

Сказано – сделано, и еще через две минуты он позвонил в дверь своему соседу, бывшему боссу с телевидения.

– Ты разве не в отпуске, – пробормотал тот, стоя со стаканом замечательного солодового виски Бекстрёма в руке.

– Попросили задержаться на несколько дней, – солгал Бекстрём, – поэтому сейчас меня интересует, не мог бы я выкупить назад немного из того, что продал тебе накануне. Вполне хватит одной бутылки. Лучше немного солодового виски, если у тебя еще осталось, – добавил он и склонился на стакан в руке телевизионщика.

– Сделки не имеют обратной силы, – пробормотал телевизионный шеф и покачал головой. – Проданное тоже не возвращается.

Потом он просто-напросто закрыл дверь и запер замок на два оборота.

Бекстрём попытался уговорить его через щель для почты,

но в качестве единственного аргумента телебосс захлопнул и внутреннюю дверь тоже.

В такой ситуации даже Бекстрёму пришлось сдаться. Он поплелся к себе в квартиру. Еще раз принял душ, почистил зубы и проглотил три таблетки, которые придурочный доктор выписал ему: одну коричневую, одну синюю и одну лиловую. Потом залез в койку. Выключил лампу, никакого прощального письма он ведь не собирался писать, и заснул так, словно кто-то ударил его по голове крышкой от кастрюли.

* * *

Когда Бекстрём проснулся, на часах было четыре утра. С ясного голубого неба безжалостно светило солнце, и он чувствовал себя даже хуже, чем когда заснул предыдущим вечером.

Он сварил себе черный кофе и сразу выпил три чашки. Запихал в себя остатки овощей и закончил бутылкой минеральной воды. Потом сразу вышел на улицу и проделал пешком весь путь до здания полиции в Сольне.

Погода стояла такая же дьявольская, как и накануне, и температура не поднялась пока выше двадцати лишь по той простой причине, что была еще ночь. Он добрался до работы, когда едва перевалило за шесть. Еле держась на ногах от усталости и испытывая огромное желание поспать и поесть. Один в целом здании, поскольку все его ленивые и недале-

кие коллеги храпели дома в своих постелях.

«Надо забраться куда-нибудь, где я смогу вздремнуть», – подумал Бекстрём. И, странствуя наугад, он в конце концов оказался в расположенном в подвале гараже.

– Черт, ну и видок у тебя, Бекстрём, – сказал находившийся там охранник и вытер пальцы о комбинезон, прежде чем протянул вымазанную машинным маслом руку.

– Убийство, – проворчал Бекстрём. – Не мог сомкнуть глаз целые сутки.

– Это не проблема, – сказал охранник. – Ты можешь воспользоваться мобильным наблюдательным пунктом борцов с наркотиками, который я оборудовал для них зимой.

Он открыл дверь обычного синего автофургона. Внутри находилось все, что требовалось в ситуации Бекстрёма. Помимо прочего, даже настоящая кровать.

Два часа спустя он зашевелился, поскольку ноздри ему зашекотал аромат свежесваренного кофе. Вдобавок нечто иное, скорее всего из разряда галлюцинаций. Запах свежих булочек с сыром и маслом.

– Жаль, что приходится беспокоить тебя, Бекстрём, – сказал охранник, поставив на пол большой поднос и садясь на стул рядом с кроватью, – но трудоголикам из сыска понадобится их дом на колесах. Сидят, наверное, и наблюдают за какими-нибудь старыми наркоманами в Риссне. Я захватил с собой кофе и бутерброды, если ты голоден.

Бекстрём уничтожил три большие чашки кофе с молоком и две булочки с сыром, даже не поняв, как это произошло. Потом он поблагодарил своего спасителя, чуть не обнял его, но спохватился в последний момент и лишь пожал ему руку и крепко похлопал по спине.

Затем он пошел в тренажерный зал, принял душ и переоделся в чистую гавайскую рубашку, которая хранилась у него в кабинете. И уже около половины десятого утра комиссар Бекстрём сидел за своим письменным столом в криминальном отделе в Сольне. В первый раз за двое суток он чувствовал себя по крайней мере наполовину человеком.

Около десяти утра в пятницу в кабинет Бекстрёма пришел коллега Ниemi Йорге Фернандес по прозвищу Чико, который попросил аудиенции у руководителя расследования.

«Черные, черные, черные», – подумал Бекстрём и глубоко вздохнул. Вслух сказать это у него и мысли не возникло. Особенно после всех историй, слышанных им о Петере Ниemi, который ведь тоже был черным в каком-то смысле, северным черным, точнее говоря, и явно лучшим другом Фернандеса, пусть их и разделяла разница в двадцать лет.

– Садись, Чико, – сказал Бекстрём и кивнул в направлении стула для посетителей, откинувшись на спинку собственного стула и сложив руки на том, что осталось от его живота.

«Наверное, я потерял по меньшей мере десять килограммов», – подумал он, испытав легкое беспокойство по поводу того, что случилось с его телом, которое он всегда обожествлял.

– Я слушаю, – продолжил Бекстрём, улыбнулся и кивнул ободряюще посетителю.

У Фернандеса было о чем рассказать. Предыдущим вечером он присутствовал, когда судмедэксперт вскрывал их жертву убийства, и для начала подтвердил оценки Ниemi относительно роста и веса покойного, пусть тот сделал их на

глазок.

– Рост метр восемьдесят восемь и вес сто двадцать два килограмма, – констатировал Фернандес. – Петер дока в таких делах.

«На кой черт это сейчас надо знать», – мысленно возмутился Бекстрём.

– Что ведь, пожалуй, стоит держать в памяти, размышляя о том, какими физическими возможностями должен обладать наш преступник, – закончил Фернандес. – А именно немалой силой для манипуляций с таким большим и тяжелым телом.

Помимо избыточного веса и просто сенсационно жирной печени Даниэльссон находился в удивительно хорошем состоянии, никаких серьезных замечаний со стороны патологоанатома, касавшихся его сердца, легких и кровеносной системы. Нормальное увеличение простаты и все такое в соответствии с возрастом. В остальном ничего особенного, принимая в расчет, какой жизнью он жил.

– Если бы он выдерживал всего несколько «сухих» месяцев в году и давал печени возможность восстанавливаться между пьяными раундами, наверняка смог бы прожить больше восьмидесяти, – подвел итог Фернандес.

Бекстрём кивнул в знак согласия.

«Наверное, следовало бы перемолоть этого идиота на колбасу, – подумал он. – Пожалуй, получилась бы коньячная по-

лукопченная, не зря же директор Даниэльссон столько времени мариновал себя?»

– Относительно молотка обойщика мебели, однако, надо внести поправку, – сказал Фернандес. – Судя по рентгеновским снимкам черепа, у него нет никаких повреждений, по форме соответствующих молотку, и это касается как самой ударной части, так и другого конца, изогнутого, используемого при вытаскивании гвоздей. Вдобавок ручка у него сломана с неправильной стороны. Не с той, которой бьют. А с другой, предназначенной для вытягивания гвоздей, и отсюда напрашивается вывод, что преступник случайно сломал ручку, пытаясь взломать что-то гвоздодером. Но мы не нашли в квартире никаких характерных повреждений, вот в чем проблема.

– Может, он что-то забрал с собой? – предположил Бекстрём. – Металлический денежный ящик, например?

«Со старыми молочными зубами Даниэльссона и двухкрупной монетой, полученной им от зубной феи», – подумал он.

– Из такой оперы, да, – согласился Фернандес и кивнул. – Как раз сейчас мы склоняемся к тому, что это может быть кожаный портфель с документами и с замком, петлями и уголками из латуни или желтого металла. На гвоздодере есть следы, возможно указывающие на это. Маленький кусочек примерно в миллиметр, и мы почти на сто процентов уверены, что это кожа. Светло-коричневая. Плюс фрагмент чего-то,

на наш взгляд напоминающего латунь, с острого края гвоздодера. Возможно, они попали туда, когда он воевал с замком. Мы отправили все в Главную криминалистическую лабораторию, поскольку у нас нет нужного оборудования для анализа.

– Но вы не нашли никакого портфеля?

– Нет, – сказал Фернандес. – Если наша догадка верна, он, наверное, забрал его с собой и попытаться открыть в спокойной обстановке.

– Я записал себе, – сказал Бекстрём и на всякий случай сделал пометку в своей маленькой черной записной книжке. – Что еще?

– Позволь мне вернуться к крышке от кастрюли, – сказал Фернандес. – Она чугунная и с внешней стороны покрыта синей эмалью. Принадлежит кастрюле, которая стоит на плите в кухне. Двадцать восемь сантиметров в диаметре и с ручкой посередине. Весит почти два килограмма. Жертва получила по меньшей мере шесть приличных ударов ею. Первый пришелся высоко с правой стороны по темени. Его нанесли наискось сзади, и, по нашему мнению, жертва получила удар, когда выходила из туалета. Даниэльссон падает лицом вперед, головой в сторону гостиной, а ногами к входной двери, и оказывается на животе или, возможно, на боку. Потом он получает еще два удара по затылку. Далее преступник, скорее всего, переворачивает его и заканчивает минимум тремя

ударами по лицу.

— Почему вы уверены, что порядок был именно такой? — поинтересовался Бекстрём.

— Ну, никогда нельзя знать наверняка, но данная картина в любом случае лучше всего соответствует повреждениям на черепе и прочим наблюдениям на месте, в прихожей, где все случилось. Тому, как она выглядит в результате, положению брызг и так далее. На крышке есть кровь, волосы и фрагменты костей черепа. Плюс повреждения на ней соответствуют ранам на голове жертвы. Наш преступник не только силен. Судя по углу, под которым наносились удары, он высокого роста. Кроме того, я думаю, по-настоящему зол на жертву. Уже первый удар смертельный. Два, по затылку и основанию черепа, он, наверное, сделал для страховки, скажем так, поэтому мы готовы простить их ему. Зато три удара по лицу (мы говорим по меньшей мере о трех) выглядят чисто неоправданной жестокостью. Тем более если предположить, что он, скорее всего, положил около себя крышку, чтобы перевернуть жертву, прежде чем снова начал бить.

— Насколько он высокий? — спросил Бекстрём.

— Даниэльссон был метр восемьдесят восемь. Надо полагать, не менее метра восьмидесяти. Если ты спросишь меня, то еще на дециметр выше. Метр девяносто.

— Если он не профессиональный баскетболист, конечно, — поддразнил эксперта Бекстрём. — Треснул его вытянутой рукой сверху по голове. Ты же видел, как они делают, когда

бросают? Или теннисист, который выполнил подачу крышкой от кастрюли.

– Количество профессиональных баскетболистов в том районе, пожалуй, не слишком велико, – констатировал Фернандес без малейшего намека на улыбку. – То же самое касается теннисистов, – добавил он и поджал губы.

«Забавный парень, – констатировал Бекстрём. – Наконец черный с чувством юмора».

Фернандес решил поменять тему. Сначала он рассказал о находке, сделанной польским строительным рабочим в мусорном контейнере.

– Сейчас мы ждем сообщение из криминалистической лаборатории, не принадлежит ли кровь на обнаруженных им предметах нашей жертве. Если все так, дело, бесспорно, примет крайне интересный оборот. Никаких отпечатков пальцев нам, к сожалению, найти не удалось. Ни на дождевике, ни на перчатках, ни на тапочках. Размеры и плаща, и тапок соответствуют параметрам Даниэльссона. Высокого и крупного, с сорок четвертым размером ноги.

– Как много месяцев пройдет, пока мы получим ответ криминалистов? – поинтересовался Бекстрём.

– Нам фактически удалось выговорить себе внеочередное право, – сказал Фернандес. – После выходных самое позднее мы будем иметь результат. Если подытожить все, что у нас пока есть, – продолжил он, – то, вероятно, мы имеем дело

с физически сильным преступником, пожалуй выше среднего роста и испытывающим неистовую злобу по отношению к жертве. Если относительно одежды все сойдется, то есть подтвердится ее принадлежность Даниэльссону, точно как и крышки от кастрюли, и молотка, то, похоже, он также довольно сообразителен. Надевает на себя дождевик жертвы, чтобы не запачкать кровью одежду. Снимает свою собственную обувь и меняет ее на тапки по той же причине. Натягивает себе на руки перчатки для мытья посуды, чтобы не дарить нам отпечатков. Единственно нас смущает поведение гостя, с которым убитый ужинал, тот ведь ранее оставил массу пальчиков на тарелках, стаканах и столовых приборах, которые он вроде бы даже не пытался стереть.

– Меня подобное не смущает. Ни капельки. – Бекстрём покачал головой. – Просто у пьяных мозги работают таким образом. Сначала они сидят и пьют с Даниэльссоном. Потом преступнику он неожиданно надоедает, и, когда Даниэльссон идет в сортир, тот сбрасывает с себя чеботы, натягивает хозяйские тапки, дождевик и перчатки, хватает крышку от кастрюли и берется за дело, как только Даниэльссон выходит из нужника и стоит, собираясь застегнуть гульфик. Все, случившееся ранее, он, возможно, забыл.

– Петер и я тоже размышляли в таком направлении, – признался Фернандес и кивнул. – Кроме того, нам пришлось в голову, что речь не просто идет о злобе, пожалуй, также есть и более рациональный мотив.

– И какой же?

– Ограбить его, – предположил Фернандес.

– Точно, – горячо поддержал Бекстрём. – Отсюда следует вывод, насколько он хитер. Ограбить такого, как Даниэльссон, равносильно попытке подстричь лысого.

– Боюсь, тут не тот случай, – усомнился Фернандес. – В правом верхнем ящике письменного стола Даниэльссона мы ведь нашли пачку выигрышных купонов с ипподрома Солвалла. Скрепленных резинкой и разложенных по датам. И самый верхний от заезда, который состоялся в тот вечер, когда Даниэльссона убили. Позавчерашнего то есть. Он на двадцать тысяч шестьсот двадцать крон, и деньги взяты из кассы в Солвалле сразу после заезда. А заезд состоялся полседьмого вечера. Но деньги мы не нашли. Его бумажник, например, который лежит у него на письменном столе в спальне, совершенно пустой, за исключением пачки визиток.

– Вот как, – прокомментировал Бекстрём. – Вот как, – повторил он и подумал: «Вероятно, огромный куш для такого, как Даниэльссон».

– Еще несколько моментов, – сказал Фернандес. – Относительно того, чего мы не нашли, и того, чего мы не нашли, но должны были найти.

– Я слушаю. – Бекстрём взял ручку и свою маленькую записную книжку.

– Мы находим купон со скачек, но никаких денег, потом следы, по нашему мнению принадлежавшие портфелю с до-

кументами, но никакого портфеля. Плюс одну открытую и одну неоткрытую упаковку с виагрой, выписанной Даниэльсону по рецепту, который мы также находим. Шесть таблеток из восьми остались. Согласно записи на рецепте, он употребил еще восемь с начала апреля. Кроме того, нашли упаковку, исходно содержащую десять презервативов, но там осталось только два.

– У нашей жертвы были по крайней мере две струны на его лире, даже если ему требовалась помощь для настройки инструмента, – сказал Бекстрём и ухмыльнулся.

– Мы находим ключ от банковской ячейки, но саму ячейку не нашли еще, – продолжил Фернандес. – Зато никакого мобильного, никакого компьютера и никаких кредиток. Никаких счетов тоже. Мы находим обычный карманный календарь с небольшим количеством записей. Но никакого дневника или личной заметки, ни одной фотографии.

– Типичный пьяница, – согласился Бекстрём. – На кой такому мобильник? Звонить в винный магазин и заказывать все домой по телефону? Кто, черт возьми, выдает кредитки старому алкашу? Дураков нет. Что-то еще? – спросил он.

– В его письменном столе лежит целая пачка квитанций такси, – сказал Фернандес.

– Транспортное обслуживание. Им пользуются все алкаши в нашем социальном раю, где мы платим за них.

– Нет, – возразил Фернандес. – И речи нет. Обычные квитанции. По-моему, он торговал ими.

– Квитанциями такси? И почему? На них можно заработать? – удивился Бекстрём.

– Просто он знает какого-то таксиста, покупает его оставшиеся квитанции, скажем за двадцать процентов суммы, а потом перепродает, например за пятьдесят, кому-то, кто может использовать их для отчета о своих служебных разъездах. Этому он наверняка научился за все годы, пока занимался бухгалтерией и аудитом, и какие-то контакты с той поры у него наверняка остались, – предположил Фернандес.

– Я думал, старые пьяницы собирают пустые бутылки, – заметил Бекстрём.

– Не в данном случае, пожалуй, – констатировал Фернандес.

«Какое, черт возьми, это имеет отношение к делу и к тому, насколько дорогим стало спиртное», – подумал Бекстрём и пожал плечами.

– У тебя все? – спросил он.

– Да, все пока, – сказал Фернандес и поднялся. – Ты и твои помощники вдобавок получите докладную записку о том, что Петер и я уже накопили, включая фотографии с места преступления и вскрытия, позднее в течение дня. Придет по электронной почте.

– Хорошо, – сказал Бекстрём.

«На самом деле на удивление хорошо при мысли о том, что чертов лопарь и танцор танго сложили вместе свои маленькие мозги».

Инспектор Анника Карлссон была на работе уже полвосьмого утра, хотя предыдущим вечером легла в постель не раньше полуночи.

Она едва успела сесть за свой письменный стол, когда Петер Ниemi позвонил ей на мобильный и рассказал об их находке с одеждой.

– Я пытался поймать Бекстрёма, но он не отвечает, – объяснил Ниemi.

– Я тоже искала. Беспокоюсь за него. Он, похоже, чувствует себя не лучшим образом. Выглядел вчера действительно плохо. Не знаю, думал ли ты об этом?

– Ну да, какая сейчас разница, – сказал Ниemi, – но, поскольку поляка и его товарищей надо допросить, и чем быстрее, тем лучше, я звоню тебе.

– И спасибо за это, – сказала Карлссон.

«Ниemi хорош, – подумала она. – Действительно хорош. Не просто мастер своего дела, а еще и о таком заботится».

– Я побывал на месте, как уже сказал, и мы перерыли контейнер вдоль и поперек, но не нашли ничего ценного. И по соседству тоже, если тебя интересует. Я взял даже патруль с собакой, пусть это и было посреди ночи. Потом поболтал с парнем, который обнаружил мешок с одеждой. Приятный малый. Говорит по-шведски лучше, чем я, – констатировал

Ниemi и улыбнулся, что было слышно по голосу. – Но поскольку требовалось спешить, наш разговор получился коротким.

– И сейчас ты хочешь, чтобы я все сделала надлежащим образом и с магнитофоном, и с протоколом, – сказала Карлссон и улыбнулась тоже так, что это наверняка услышал ее собеседник.

«Почему все не могут быть такими, как Ниemi?» – подумала она.

– Ну, – сказал Ниemi. – Уж мы такие, ты же знаешь.

– Я все сделаю, – уверила его Анника Карлссон. «Просто ради тебя».

Потом она снова позвонила Бекстрёму на его мобильный, но он был по-прежнему отключен, хотя время приближалось к половине девятого. Анника Карлссон покачала головой, взяла с собой Фелицию Петтерссон, забрала служебный автомобиль и покатила в сторону Экенсбергсгатан, чтобы побеседовать с Ежи Сарницким и четырьмя его земляками, которые обновляли небольшой жилой дом в Сольне, в тысячах километров на север от своей родины.

Фелиция Петтерссон, двадцати трех лет, окончила полицейскую школу в январе того же года. Сейчас она получала свой первый опыт в криминальном отделе в Сольне, и уже через неделю ей выпала честь помогать при расследовании убийства. Фелиция родилась в Бразилии. Жила в детском до-

ме в Сан-Пауло, и, когда ей был только год, ее усыновила шведская пара. И муж, и жена работали в полиции и жили на островах Мелареарна около Стокгольма. Теперь и она сама стала полицейским, как многие дети стражей порядка до нее. Молодая и без практического опыта, но с отличными предпосылками для этой профессии. Хорошо развитая физически, спокойная и здравомыслящая и явно довольная тем, что делала.

«Наверняка у нее все будет хорошо», – подумала Анника Карлссон, в первый раз встретившись с ней.

– Ты найдешь Экенсбергсвеген, Фелиция? – спросила Анника, сев на сиденье рядом с водителем и пристегнув ремень безопасности.

– Да, шеф. – Фелиция Петтерссон кивнула.

– А может, нам повезло, и ты говоришь и по-польски тоже, – сказала Анника.

– Естественно, шеф. Да. Свободно; по-моему, это все делают, – ответила Фелиция и улыбнулась.

– Мне надо знать что-то еще? – спросила Анника Карлссон.

«А девочка сообразительная», – подумала она.

– Друзья называют меня Лизой, – сообщила Фелиция. – Ты тоже можешь, если хочешь.

– А меня называют Уткой, – рассмеялась Анника Карлссон.

– И тебя это устраивает? – спросила Лиза и удивленно ско-

силась на попутчицу.

– Не очень, – ответила Анника Карлссон и покачала головой. – По-твоему, я выгляжу как утка?

– Совершенно не похожа, – хихикнула Лиза Петтерссон. – На мой взгляд, ты ужасно крутая. And I mean it⁵.

Аннике Карлссон и Фелиции Петтерссон повезло. На часах, конечно, было только девять утра, но Ежи и другие работяги уже сидели и обедали. Они встали, как только рассвело, позавтракали около четырех и начали работать полпятого. В девять пришло время для обеда, если требовалось продержаться до вечера.

– Sorry to disturb you in your breakfast⁶, – сказала Анника Карлссон, улыбнулась и показала свое полицейское удостоверение. – My name is detective inspector Annika Carlsson and this is my colleague detective constable Felicia Pettersson. By the way, does anyone of you speak Swedish? Or understand Swedish?⁷

– Я немного говорю по-шведски, – сказал Ежи, в то время как три его товарища покачали головой, а один кивнул нерешительно. – Я могу быть переводчиком, если хочешь.

---

⁵ Так я думаю (*англ.*).

⁶ Извините, что я прерываю ваш завтрак (*англ.*).

⁷ Меня зовут детектив-инспектор Анника Карлссон, а это моя коллега детектив-констебль Фелиция Петтерссон. Кстати, кто-нибудь из вас говорит по-шведски? Или понимает по-шведски? (*англ.*)

– У нас всего несколько вопросов, – продолжила Анника. – Не возражаете, если мы сядем?

– Пожалуйста, – сказал Ежи и быстро поднялся. Он убрал ящик с инструментами со свободного стула, уже стоявшего у их импровизированного стола, тогда как один из его товарищей пошел и принес табуретку и предложил свой собственный стул детективу-констеблю Петтерссон.

Две молодые красивые женщины. Которые вдобавок были шведскими полицейскими, пусть одна из них и выглядела так, словно приехала из Вест-Индии. Дружелюбные, веселые, красивые, они радовали глаз, и неплохо было пофантазировать о них, забивая очередной гвоздь. Они просидели вместе целый час. Какую это сейчас играло роль? Восемьдесят крон всего лишь восемьдесят крон, и вряд ли ведь прежде всего работы не хватало им в жизни.

Не заметили ли они чего-нибудь странного вечером в среду или в ночь на четверг?

Они работали до восьми вечера. Потом закончили, поскольку соседи обычно жаловались на поздний шум. Поужинали. Поболтали, поиграли в карты и легли около десяти. Никто из них не покидал дом, поскольку весь вечер шел дождь.

А ночью? Никто из них не видел или не слышал чего-либо

особенного?

Они спали. Никто из них не страдал бессонницей. Лежали в своих постелях и дрыхли. Один из них вставал на короткое время в туалет. Вот и все.

– Лешек, он у нас каменщик, – объяснил Ежи и кивнул в сторону своего товарища, которому ночью понадобилось облегчить мочевой пузырь. – Туалет смотрит на улицу. Окнами, – добавил он, предвосхитив следующий вопрос Анники Карлссон.

– Спроси его, знает ли он, в котором это было часу.

– Не знает, – сообщил Ежи после нескольких быстрых предложений по-польски и покачивания головой в качестве ответа на ее вопрос. – Он не смотрел на часы. Снял их и положил рядом с кроватью.

– Дождь еще шел? – спросила Анника Карлссон, которая уже ранее прочитала бумаги, полученные из метеослужбы. Относительно дождя в среду вечером – он прекратился через полчаса после полуночи в четверг 15 мая.

– Не особенно сильно, – подвел итог Ежи после короткого разговора по-польски. – Было темно. Самая темень. Когда мы проснулись, стояла хорошая погода. Тогда часы показывали четыре утра.

«Парень вставал где-то около полуночи», – прикинула Анника Карлссон.

– Спроси его, он ничего не видел и не слышал? Людей,

автомобилей, звуки. Или вообще что-нибудь? Все интересно, как ты понимаешь.

Снова польская речь. Нерешительное покачивание головой. Улыбки у обоих, Ежи и Лешека. Потом последний кивнул решительно, сказал еще что-то по-польски и пожал плечами.

– Я слушаю, – сказал Анника Карлссон.

«Возьми себя в руки, Утка, – подумала она. – Ты начинаешь говорить как Бекстрём, а так не делают, если ты по-настоящему крут».

– Он видел кота, – сообщил Ежи и улыбнулся счастливо.

Маленького рыжего кота. Он обычно часто попадался им на глаза, так что, наверное, жил где-то совсем рядом, пусть у него и не было ошейника. Они как-то даже угощали его молоком.

Но никаких людей, никаких автомобилей, никаких человеческих звуков. Было темно, тихо, моросил дождь. Никакого включенного радио или телевизора. Ни света в окнах. Даже ни одна собака не лаяла. Только рыжий кот прокрался по улице. Вот и все.

Инспектор Ларс Альм работал в криминальной полиции Сольны уже десять лет. До этого он сначала трудился в старом отделе насильственных преступлений в здании полиции на Кунгсхольмене, потом перебрался в следственный отдел Центрального района. И в итоге оказался в Сольне. Он развелся и женился снова, и его новая супруга, медсестра из Каролинской больницы, имела уютную квартирку здесь в центре. Альму было рукой подать до работы, две минуты прогулочным шагом, и тогда не имело значения, шел ли снег, или дождь лил как из ведра.

Ради этого стоило сменить место работы, но существовали и другие причины. Альм надорвался. Годы работы в «насилии» Стокгольма дались ему дорогой ценой. Сольна представлялась более тихой гаванью. Он думал, что ему больше не придется разгребать дерьмо после характерной для центра бурной «кабацкой» жизни в выходные, отголоски которой обычно каждый понедельник вываливались на его письменный стол. Но и здесь его чаяния не оправдались. Он с удовольствием ушел бы на пенсию, но, прикинув все как следует, решил, что ему надо продержаться до шестидесяти четырех, во всяком случае, попробовать. Сестринская зарплата жены не могла служить хорошим подспорьем, а никто из них не хотел голодать на старости лет.

Он постарался максимально упорядочить свою жизнь. Не полез в группу, которая занималась тяжелыми насильственными преступлениями, отдел сыска, к борцам с наркотиками или в комиссию по ограблениям. Занимался тем, что проще, – бытовыми преступлениями и всякой мелочовкой, касавшейся обычных людей, кражами из жилищ и автомобилей, рядовыми драками, вандализмом. Он считал, что ему повезло, и обычно вполне оправдывал ожидания руководства. В общем, пытался приспособливаться подобно многим другим, таким как он.

В понедельник 12 мая на Вестерортский полицейский округ обрушился настоящий ураган. Два неизвестных преступника ограбили инкассаторскую машину около аэропорта Бромма. Застрелили охранника и тяжело ранили его коллегу. Ограбление в особо крупных размерах, убийство и покушение на убийство. Уже несколько часов спустя министра юстиции показывали в выпусках новостей по всем телевизионным каналам. Их новому шефу, комиссару Анне Хольт, наверняка пришлось несладко. Всего месяц после вступления в должность, и такой подарок.

Первую волну Альм пережил. Шеф криминального отдела, комиссар Тойвонен, бросил на это дело массу коллег из других подразделений и рабочих групп, но пощадил Альма. Однако в четверг утром кончилась спокойная жизнь и для него. Тогда Тойвонен ворвался к нему в кабинет и объяснил, что пришло время вспомнить старое.

– На Росундавеген насмерть забили какого-то старого пьяницу, – сказал Тойвонен. – С таким делом опытные коллеги справляются до обеда, но при мысли обо всех бедах, свалившихся на нас, мне пришлось посадить на него Бекстрёма.

– И чем, по-твоему, тогда должен заниматься я? – спросил Альм, прекрасно понимая, что это не тема для дискуссий.

– Проследить, чтобы жирный коротышка не промахнулся в пустые ворота, – сказал Тойвонен и удалился.

Так вот бывает. После более чем десятилетней передышки он получил себе на шею расследование убийства, вдобавок вкупе с Эвертом Бекстрёмом, которого прекрасно знал, и это только усугубляло ситуацию.

Альм познакомился с Бекстрёмом много лет назад. В конце восьмидесятых они оба занимались расследованием убийств в старом отделе насильственных преступлений Стокгольма. Несколько лет спустя Бекстрём неожиданно получил работу в комиссии по убийства Государственной криминальной полиции. Совершенно непостижимым образом. У кого-то в руководстве криминальной полиции, вероятно, случилось помутнение рассудка, либо ему дал взятку начальник столичной криминальной полиции. Альм и его коллеги прокатились на пароме на остров Оланд и пировали по этому случаю целые сутки. А через пятнадцать лет судьба отомстила ему с лихвой.

В поисках выхода он поговорил с Анникой Карлссон, ко-

торая была не только приятной женщиной, но и сведущим специалистом. Пообещал, что разложит жизнь жертвы по полочкам, разберется с кругом общения Даниэльссона и выяснит, чем тот занимался в последние часы перед тем, как его убили. Но только чтобы при этом он мог сидеть в своей комнате и избежал необходимости встречаться с Бекстрёмом, за исключением экстренных случаев.

– Звучит заманчиво, – сказала Анника Карлссон и кивнула. – Как он, кстати? Я слышала все истории о Бекстрёме, но никогда не встречалась с ним до вчерашнего утра. И то наша встреча получилась короткой, когда он пришел взглянуть на место преступления.

– Если бы ты столкнулась с ним по-настоящему, то запомнила бы это, – сказал Альм и вздохнул.

– Он в самом деле такой придурок, как все говорят? Большинство из тех историй наверняка байки?

– Хуже, – сказал Альм. – Он хуже. Каждый раз, когда я включал новости и видел, что нашего коллегу подстрелили, я просил Господа, пусть только это будет Бекстрём. Если нам все равно предначертаны какие-то беды, почему не начать с него и не пощадить всех приличных коллег? – Альм покачал головой. – Чертов маленький жирный идиот бессмертен. Он, наверное, заключил договор с Вельзевулом. Мы, другие, получили его в наказание за наши грехи, хотя я и не представляю, чем действительно надо отличиться, чтобы заслужить его в качестве награды.

– Я понимаю, о чем ты, – сказала Анника Карлссон и кивнула задумчиво.

«Забавно получается, и в худшем случае мне придется затащить его в гараж и переломать ему руки».

Ларс Альм начал разбираться с жизнью и окружением Карла Даниэльссона, все у него пошло как по маслу. Как только тех, кто знал покойного, достигали слухи о его безвременной кончине, распространявшиеся со скоростью лесного пожара, они сразу брались за телефон. В виде исключения полицейский коммутатор работал без перерыва, и информация лилась рекой, и, когда Альм шел домой после своего первого дня в новом амплуа, он, как ему казалось, уже достаточно хорошо разобрался с ситуацией.

У него имелись имена и полные данные десятка человек из ближайшего окружения жертвы. Все они были мужчинами, и, даже если он не мог знать подобного наверняка, у Альма все равно создалось впечатление, что они имели те же самые главные интересы в жизни, как и их убитый «друг» и «соратник». Он переговорил с большинством из них по телефону. От них, помимо всего прочего, получил имена и других друзей жертвы, которые еще не дали о себе знать полиции, и успел допросить пару из них. Идя пешком домой около семи вечера, чтобы вместе с супругой есть голубцы с протертой с сахаром брусникой, он пребывал в самом хорошем настроении, какое только мог иметь человек, оказавшись в

одной упряжке с комиссаром Эвертом Бекстрёмом.

«Если бы Бекстрём наконец выполнил свой гражданский долг и просто умер, ему не пришлось бы беспокоиться об этом расследовании», – подумал Альм.

Бекстрём потратил все утро, пытаясь навести хоть какой-то порядок в расследовании убийства, которое его помощники уже чуть не превратили черт знает во что. Кроме того, он чувствовал себя гораздо лучше, чем в последнее время, поскольку его чувствительные ноздри постоянно щекотал божественный запах свежих булочек с большим количеством сыра и масла.

«Да пошла она, эта здоровая пища», – подумал Бекстрём. Можно, по большому счету, жрать, как все нормальные люди, с небольшими ограничениями. Затем поститься, напиться реально и промывать начисто все мелкие кровеносные сосуды, а потом снова возвращаться на маршрут.

Уже после одиннадцати его живот дал о себе знать очень приятным и хорошо знакомым образом, и он сразу понял, что пришло время подкрепиться.

Бекстрём спустился в столовую для персонала и постарался в тишине и покое скомпоновать для себя хорошо сбалансированный обед в соответствии со своими собственными наблюдениями и выводами.

Сначала он остановился около стола с салатами и наложил себе приятную маленькую горку из тертой сырой моркови, нескольких полосок огурца и кружков помидора. Обошел своим вниманием заячье и лосиное дерьмо, а никаких

опарышей у них, похоже, не было, пусть те и показались ему вполне человеческой пищей единственный раз, когда он их пробовал. Затем он понюхал различные кувшинчики с маслом и салатными заправками и в конце концов решился.

Соус «Род-Айленд». Из своего опыта Бекстрём знал, что тот вполне съедобен. И обычно сам покупал его в бутылке и поливал им свои домашние гамбургеры с большим количеством сыра и майонеза.

На раздаче он долго колебался, выбирая между дежурным мясным блюдом, котлетой с жареным картофелем, огурцом и сливочным соусом, дежурным макаронным блюдом – карбонарой с жареной свининой и сырым яичным желтком и дежурным рыбным блюдом – жареной камбалой с вареным картофелем и огуречным майонезом. Его сильный и непокорный характер победил, и он выбрал рыбу, пусть даже ее, главным образом, ели педики и лесбиянки.

«Пожалуй, все-таки стоит попробовать», – подумал Бекстрём, и у него неожиданно стало спокойно на душе.

Оставалось определиться с напитком к еде. Обычная вода, сок, минералка, легкое пиво? Он выбрал немного легкого пива в качестве простой и естественной уступки умеренности, которую он сейчас убедительно продемонстрировал.

Четверть часа спустя он разобрался с обедом. Остался кофе, и пришло время отпраздновать свой триумф с помощью маленького миндального пирожного. Пожалуй, также еще меньшего по размерам так называемого пылесоса из зелено-

го с обоих концов, покрытого шоколадом марципана.

«Нельзя давать себе послаблений», – подумал Бекстрём и с железным спокойствием положил назад пылесос и довольствовался только миндальным пирожным. А потом взял кофе и расположился в дальнем углу, чтобы в полном покое завершить свою скромную трапезу.

Час спустя у него состоялась вторая встреча с его разыскной группой. Бекстрём отлично чувствовал себя, рвался в бой и считал, что он наконец полностью контролирует ситуацию. Его давление ни капельки не скакнуло, когда он для начала попросил инспектора Ларса Альма доложить о находках, сделанных им относительно самой жертвы и того, чем она занималась в последние часы своей убогой, пропитанной алкоголем жизни.

– Пожалуй, ты захочешь начать, Ларс, – сказал Бекстрём и дружелюбно улыбнулся Альму.

«Старая Деревянная Башка из стокгольмского отдела насилия, и как такой, черт возьми, мог стать полицейским, загадка даже для меня», – подумал он.

Инспектор Ларс Альм допросил одного из самых молодых соседей жертвы, Сеппо Лорена, у него дома в квартире на Хасселстиген, дом 1, где тот проживал со своей матерью. Причина, по которой он именно Лорена удостоил такой чести, состояла в том, что его десять лет назад наказали на шестьдесят дневных заработков за драку. Он оказался одним из семи представших тогда перед судом фанатов АИКа, которые после матча на стадионе Росунда поколотили одного из сторонников команды противника на станции метро в

центре Сольны. Это была единственная запись о нем в полицейских сводках, и Лорен тогда отделался легче всех его товарищей по несчастью. Одновременно он также являлся единственным в доме осужденным за насильственное преступление и вдобавок соседом жертвы.

– Ты или я, Ларс? – спросила Анника Карлссон и кивнула Альму.

– Я могу поговорить с ним, – сказал Альм.

– Спасибо, Ларс.

«Ребенок с телом взрослого человека, – подумал Альм, когда закончил допрос и покинул Лорена. – Наверняка на десять сантиметров выше меня и точно на десять килограммов тяжелее, с широкими плечами и длинными руками».

Взрослый мужчина. Если бы не длинные светлые волосы, которые постоянно падали ему на лоб и которые он все время пытался убрать левой рукой, откидывая голову назад, доверчивое выражение детских голубых глаз, подвижное тело, дерганные манеры.

«Ребенок с телом взрослого человека, и, конечно, это все равно печально», – подумал Альм, оставив его.

Около четырех пополудни в четверг 14 мая Карл Даниэльссон приехал домой в свою квартиру на Хасселстиген, дом 1 в Сольне. Он вышел из такси, расплатился и в подъез-

де столкнулся с Сеппо Лореном, двадцати девяти лет.

Лорен, пенсионер по инвалидности, несмотря на относительно молодой возраст, в данный момент проживал один. У его матери, с которой он обычно делил квартиру, случился инсульт, и она уже какое-то время находилась в реабилитационном центре. Даниэльссон рассказал Лорену, что побывал в городе, посетил банк и сделал еще кое-какие незначительные дела. Кроме того, он сунул Лорену две сотенные купюры и попросил купить для него еды. Самому ему требовалось вечером ехать в Солваллу, и он не успевал сходить в магазин.

Речь шла о кусках свинины, двух больших порциях уже приготовленных бобов, нескольких бутылках тоника, кока-колы и содовой. Вот и все, а сдачу он мог оставить себе.

Лорен выполнял подобные поручения для Даниэльссона на протяжении многих лет. Когда он вернулся из расположенного неподалеку торгового центра сети «Иса», Даниэльссон как раз снова садился в такси и, судя по его виду, пребывал в отличном настроении. И сказал что-то в таком роде: «в Солваллу» и «большие деньги на подходе».

– Ты помнишь, в котором часу это было? – спросил Альм.

– Да, – сказал Лорен и кивнул. – Это я точно помню. Я часто смотрю на часы.

Потом он показал их на своей левой руке.

– И сколько было времени? – повторил свой вопрос Альм

и улыбнулся дружелюбно.

– Двадцать минут шестого, – сообщил Лорен.

– Что ты сделал тогда? – спросил Альм.

– Повесил пакет с продуктами ему на дверь, а потом поднялся к себе и играл в компьютерные игры. Я обычно этим занимаюсь, – объяснил его собеседник.

– Это в остальном сходится с прочими нашими данными, – констатировал Альм и полистал свои записи. – Даниэльссон играл на первом заезде на купон V65 в Солвалле, стартовавшем в восемнадцать часов. Но поездка туда на такси занимает не более пятнадцати минут, и тогда у него еще оставалось с лихвой времени, чтобы сделать ставку.

– Подожди, подожди сейчас, – замахал руками Бекстрём. – Насколько я понял, у Лорена не все дома.

– Он умственно отсталый, – согласился Альм. – Время, однако, знает. Это я проверил.

– Продолжай, – проворчал Бекстрём.

«Какое совпадение, – подумал он. – Первый свидетель Деревянной Башки – другой полный идиот, и оба утверждают, что знают время».

В первом заезде Даниэльссон поставил пятьсот крон на победителя, лошадь под номером шесть, Мгновенное Правосудие. В результате он получил в сорок раз больше денег, и выигрышный купон эксперты нашли у него в ящике пись-

менного стола.

– Мы абсолютно уверены в этом, – не унимался Бекстрём. – Он мог ведь с таким же успехом получить его где-то или просто стащить.

На сто процентов, по словам Альма. Он ведь разговаривал с одним старым другом Даниэльссона, который позвонил ему по телефону и рассказал. Именно он намекнул Даниэльссону о Мгновенном Правосудии. Бывший наездник и тренер из Солваллы, сегодня пенсионер Гуннар Густавссон, знавший Даниэльссона еще с той поры, как они вместе ходили в начальную школу.

– Густавссон вроде как легенда в Солвалле, – констатировал Альм, – если верить моему интересующемуся лошадьми коллеге, он известен всем как Гегурра Кучер и явно не раздает подсказки направо и налево, поэтому, что касается их старой дружбы с Даниэльссоном, здесь все сходится, конечно. Даниэльссона среди его старых друзей детства из Сольны и Сундбюберга, по-видимому, называли Калле Бухгалтер.

В любом случае, – продолжил Альм, сверившись со своими записями, – по рассказам Густавссона он сидел в ресторане в Солвалле с несколькими своими приятелями, когда там неожиданно появился Даниэльссон, и он пребывал просто в отличном настроении. Тогда часы показывали примерно половину седьмого. Густавссон предложил ему сесть, но Даниэльссон отказался. И сообщил, что пригласил на ужин

немного позднее другого старого школьного друга. Кроме того, у него имелась причина для праздника, поскольку они с Даниэльссоном поделили выигрыш.

– И как зовут его? – спросил Бекстрём. – Того школьного друга, которого Даниэльссон пригласил на ужин?

– Мы знаем его оба, и я, и ты, – сказал Альм. – Он старый товарищ Даниэльссона по народной школе в Сольне. Он ровесник убитого, ему шестьдесят восемь. Когда мы с тобой знали его, он работал в сыске в старом отделе насильственных преступлений Стокгольма. Роланд Столхаммер. Ролле Столис, Железный Человек или просто Столис. У любимого дитяти много имен.

«Ничего себе, – подумал Бекстрём. – Роланд Столхаммер, взятый почти на месте преступления и давно превратившийся в старую развалину».

– Тогда так... – Бекстрём откинулся на спинку стула, сложил руки на животе и улыбнулся довольно. – Почему-то мне кажется, что это дело раскрыто, – сказал он. – Расскажи подробности молодым коллегам. Расскажи им о нашем бывшем сослуживце Роланде Столхаммере, – продолжил Бекстрём и дружелюбно улыбнулся Альму.

Альма явно не привело в восторг предложение Бекстрёма, но он все равно рассказал:

– Роланд Столхаммер был одной из легенд старого отдела насильственных преступлений. Трудился в собственном

сыском секторе. Знал каждого хулигана во всем лене. Шпана даже по-своему уважала его, пусть он за годы работы в отделе отправил сотни из них в кутузку. Он вышел на пенсию в девяносто девятом. Воспользовался возможностью, которую старые полицейские имели в те времена, отправляться на заслуженный отдых уже в пятьдесят девять лет. – Альм вздохнул по только ему понятной причине. – Что я могу о нем сказать? Родился и вырос в Сольне. Прожил здесь всю жизнь. Занимался спортом. Сначала сам, потом активно пропагандировал его. Открытый. Энергичный. Легко находил контакт с людьми. Из тех, кого называют душа-человек.

– Но не только ведь это, – перебил его Бекстрём с хитрой миной. – Есть ведь и кое-что другое?

– Да. – Альм коротко кивнул. – Столхаммер – старый боксер. В свое время принадлежал к шведской элите. Чемпион Швеции в тяжелом весе несколько лет подряд в конце шестидесятых. В одном случае он выходил на ринг против самого Ингемара Юханссона в благотворительном представлении в цирке в Юргодене. Ингемара Юханссона, Инго, как его называли, нашего старого чемпиона мира среди профессионалов в тяжелом весе, – объяснил Альм и почему-то кивнул Фелиции Петтерссон.

– У меня прямо слезы на глаза наворачиваются, когда я слушаю, как ты описываешь этого некогда уважаемого человека, – сказал Бекстрём. – С трудом узнаю Ролле Столиса по твоему описанию. Метр девяносто ростом, сто килограммов

мышц и костей. И самый вспыльчивый во всей шведской полиции. Обычно на него приходило больше заявлений о превышении должностных полномочий и применении насилия, чем на всех других в отделе.

– Я тебя слышал, – кивнул Альм. – Но по-настоящему все не так просто. Столхаммер был душа-человек. Он спас многих парней, катившихся по наклонной плоскости, от настоящей беды. Если память меня не подводит, он единственный из нас работал бесплатно в качестве социального куратора с поднадзорными в свободное время.

– Когда не пил как сапожник, поскольку именно в этом он особенно преуспел. – Бекстрём почувствовал, как у него полезло вверх давление. – И ведь все еще, похоже...

– Пожалуй, я могу дополнить картинку, – вступил в разговор ассистент Ян О. Стигсон, двадцати семи лет, осторожно махнув рукой. – В связи с нашим делом, я имею в виду.

– Ты тоже старый боксер, Стигсон? – проворчал Бекстрём, чье настроение стало резко ухудшаться.

«Вечный патрульный. Короткая стрижка, качок, IQ как у клюшки для гольфа, по непонятной причине позаимствованный из своей службы в помощь в таком деле. Кому кроме чокнутого Тойвонена могла прийти подобная идея, – подумал Бекстрём. – Опять же явно из Даларны. Говорит так, что треск стоит в ушах. Тупое бревно, свалившееся прямо в расследование убийства, и куда, черт побери, катится шведская полиция».

– Сделай это, Стигсон, – сказала Анника Карлссон с решительным кивком. – Тогда нам не придется сидеть здесь и слушать, как Бекстрём и Альм ссорятся по поводу старого товарища. Достали уже.

«Кем она, черт возьми, себя возомнила, – подумал Бекстрём и с мрачной миной уставился на нее. – Надо поставить ее на место сразу после встречи».

– Мы получили кое-какие данные, делая вчера поквартирный обход, – сказал Стигсон. – По-моему, среди них есть и крайне интересные в связи с тем, что коллега Альм рассказал о бывшем коллеге Роланде Столхаммере.

– Да говорите же, – не сдержался Бекстрём. – Что тянуть? Или это секрет?

– Вдова Стина Холмберг, семидесяти двух лет, – продолжил Стигсон и кивнул Бекстрёму. – Она живет на первом этаже по адресу Хасселстиген, дом 1. Милая старушка. Учительница на пенсии, но выглядит бодрой, в здравом уме, и у нее нет никаких проблем со слухом. Ее квартира располагается прямо под квартирой Даниэльссона, и, поскольку в доме плохая звукоизоляция, она сообщила нам довольно интересные для расследования данные.

Стигсон посмотрел на Бекстрёма.

«Это не может быть правдой, – подумал тот. – Парень, наверное, родственник свидетеля Лорена, сводный брат, поскольку у них фамилии разные».

– Я все еще жду. – И он развел руки в приглашающем жесте.

* * *

Вечером 14 мая в квартире у Даниэльссона была пирушка. Если верить госпоже Холмберг, она началась около девяти (громкие голоса, смех и пение) и примерно через час превратилась черт знает во что. Они включили проигрыватель на полную громкость и, по слова госпожи Холмберг, слушали исключительно Эверта Таубе, в то время как сами подпевали припев.

– «Вальс кочегара», и «Бриг „Блюбед“ из Хала», и «Фритьофа и Карменситу», и я еще не знаю что, но это никак не кончалось, – объяснила госпожа Холмберг.

Подобное случалось и раньше, и, поскольку она сама немного боялась Даниэльссона, позвонила одной из соседок и попросила о помощи. Бритт Марии Андерссон, молодой женщине, живущей в их доме на самом верху.

– С Даниэльссоном, конечно, было мало радости общаться, – объяснила госпожа Холмберг. – Даже если это звучит ужасно, когда речь идет о покойнике. Высокий и здоровый мужчина, который пил целыми днями. Я помню, однажды он решил помочь мне войти в подъезд и был так пьян, что завалился и чуть не опрокинул меня и мои пакеты.

– Значит, тогда вы позвонили вашей молодой подруге, Бритт Марии Андерссон, и попросили ее помочь вам, – констатировал ассистент Стигсон, который сам проводил допрос, записал его на магнитофон и сейчас зачитывал вслух распечатку.

– Да, она отвечает за порядок. Может также резко поговорить с такими, как Даниэльссон, поэтому я не в первый раз просила ее о помощи.

– Вам известно, что эта Андерссон тогда сделала? – поинтересовался Стигсон.

– Госпожа Андерссон, она не девчонка какая-то. Она в разводе, или, может, ее муж ушел, а то и умер. Этого я на самом деле не знаю. Но она спустилась и поговорила с ним, поскольку немного позднее снова стало тихо и спокойно.

– Госпожа Холмберг, вам известно, в котором часу это было? То есть когда снова стало тихо, – уточнил Стигсон.

– Где-то около половины одиннадцатого вечера. Насколько я помню, значит.

– И что вы сделали потом, госпожа Холмберг?

– Пошла и легла. И слава богу, кстати. Высуни я нос наружу, меня тоже прибили бы.

– Молодая соседка? К кому она обращалась за помощью. Что говорит? – спросил Бекстрём.

– Бритт Мария Андерссон. Высший класс, – сказал ассистент Стигсон со счастливой улыбкой.

– Какой еще высший класс? – нахмурился Бекстрём.

– Какая женщина! – И Стигсон глубоко вздохнул. – Какая женщина! Блондинка, природная, а не крашенная, никаких сомнений. Какое тело! И грудь. Высший класс. Долли Партон ей и в подметки не годится, если можно так сказать, – объяснил Стигсон с блаженной улыбкой на губах.

– И она умеет говорить? – поинтересовался Бекстрём.

– Конечно, – сказал Стигсон и кивнул. – Она очень приятная, и, слава богу, у меня оказался с собой магнитофон, ведь при ее-то внешности, я имею в виду при ее теле...

– Но, черт побери, – не выдержала Анника Карлссон. – Поведай, наконец, что она сказала.

«Сейчас, парень, берегись, – подумал Бекстрём. – Карлссон слишком разозлилась, скоро она переломает руки и ноги малышу Стигсону».

– Конечно, конечно, – сказал Стигсон, и у него внезапно порозовели щеки. Он нервно перелистал свои бумаги и продолжил читать: – «Свидетельница Бритт Мария Андерссон сообщает в данной связи следующее. Около десяти часов в среду вечером госпожа Холмберг позвонила госпоже Андерссон и попросила помочь урезонить соседа Даниэльссона. Госпожа Андерссон спустилась к Даниэльссону и позвонила ему в дверь. Даниэльссон открыл, и он явно выглядел пьяным. Она сказала ему успокоиться и пригрозила, если он не сделает этого, позвонить в полицию. Даниэльссон

извинился, а потом закрыл дверь своей квартиры. Госпожа Андерссон постояла пару минут перед ней и послушала, но, когда проигрыватель выключили, она на лифте поднялась к себе. Примерно через четверть часа Даниэльссон позвонил госпоже Андерссон на домашний телефон. Он наорал на нее и вел себя крайне нагло. Заявил, что она лезет не в свое дело. Когда он положил трубку, по оценке госпожи Андерссон, на часах было примерно половина одиннадцатого вечера».

– Здесь вроде все сходится, – сказал Альм. – Перед нашей встречей мне передали первые телефонные распечатки. Согласно той, которая касается телефона нашей жертвы (соседей по дому я еще не получил), Даниэльссон звонил со своего домашнего телефона на другой стационарный аппарат в двадцать два двадцать семь. Около одиннадцати то есть. Дайка мне протокол допроса Андерссон, – попросил он.

– Ради бога. – Стигсон передал Альму лист формата А4.

– Да, – сказал Альм и кивнул, быстро бросив взгляд на полученную бумагу. Это домашний номер Андерссон. Последний телефонный разговор Даниэльссона вообще.

«Поскольку его потом забил до смерти и ограбил просто рубаха-парень Ролле Столхаммер», – подумал Бекстрём, с трудом скрыв свой восторг.

– Есть еще одно дело, которое немного беспокоит меня. Пожалуй, лучше сообщить о нем сейчас, пока я не забыл, – сказал Альм.

– Да, так, пожалуй, надежнее всего, – заметил Бекстрём и

улыбнулся дружелюбно.

– Разбираясь со Столхаммером, я заметил, что он живет на Иерневегсгатан в Сундбюберге. Это всего лишь в ста метрах от Экенсбергсгатан, где поляк нашел дождевик и все другое, тапки и перчатки. Находится прямо по пути, скажем так. Если идти ближайшей дорогой от Хасселстиген к Иерневегсгатан, мы пересекаем Экенсбергсгатан примерно в том месте, где поляк нашел одежду.

– Вот как. – Бекстрём улыбнулся хитро. – Кто бы мог поверить в подобное о старом наставнике молодежи? Послушай, Стигсон, – продолжил он. – Эта женщина, Андерссон. Она не видела, кто был гостем Даниэльссона? Или ты забыл спросить ее при мысли обо всем ином?

– Нет. Понятно, я спросил об этом, – сказал Стигсон нервно и скосился на инспектора Аннику Карлссон. – Само собой. Нет. Она не видела, с кем он был. Но, когда она разговаривала с Даниэльссоном, слышала, что кто-то находится в гостинной. Однако не входила в квартиру, поэтому и не видела, кто именно там был.

– Я подумал об одном деле, – сказал Бекстрём и посмотрел на Альма.

– Да?

– Ты говоришь, многие старые друзья Даниэльссона дали знать о себе, как только услышали, что его убили.

– Да.

– Но не Роланд Столхаммер?

– Нет, – подтвердил Альм. – Он так и не позвонил.

– А наверное, ему, как никому, следовало это сделать? Старый полицейский и все такое... Сидел и пил с жертвой перед тем, как ее убили, – констатировал Бекстрём довольно.

– Да, это меня тоже беспокоит, если тебе интересно, – сообщил Альм. – Допустим, он знает об убийстве Даниэльссона, но то, что он находился там в тот вечер, точно ведь нам неизвестно, несмотря на утверждения Гегурры Кучера. В таком случае это просто ужасно беспокоит меня.

– Мм-хм. – Бекстрём кивнул задумчиво.

«Интересно, успею я наградить себя маленьким пылесосом и кофейным пирожным со взбитыми сливками», – подумал он.

– Что думаете, если мы прервемся и немного разомнем ноги, кстати? – спросил Бекстрём и посмотрел на часы. – На пятнадцать минут?

«Едва ли подходящее время для клизмы», – подумал он, когда коллега Карлссон сразу же выскочила из комнаты.

Ни у кого не нашлось возражений.

«Ага, да, – подумал Бекстрём, когда он и его помощники снова расселись по своим местам. – Остается просто завязать мешок без суеты и спешки».

– Ты, Надя, – сказал он и дружелюбно кивнул Наде Хегберг, – выяснила еще что-нибудь о нашей жертве?

Почти все необходимое, если верить Наде Хегберг. За исключением старой фирмы Даниэльссона, ей она собиралась заняться в выходные. Кроме того, похоже, существовала банковская ячейка, которую она еще не нашла. Ключи подходили к тем ячейкам, что имелись в офисе Коммерческого банка на Валхаллавеген в Стокгольме, и пока на том все застопорилось. Просто по данным банка, ни Даниэльссон, ни его фирма не арендовали у них ячейку. Ее номер также нельзя было установить по ключам, а поскольку только данный офис располагал сотнями ячеек, задачка получилась отнюдь не тривиальной.

– Банк и я работаем над этим вопросом, – сказала Надя Хегберг. – Все будет в порядке.

Однако ей уже удалось разобраться со всеми стопками бумаг, которые эксперты нашли в квартире Даниэльссона.

– Их масса, – сказала Надя. – Выигрышные купоны с

Солваллы на сумму более чем полмиллиона, квитанции такси, ресторанные счета и куча платежей, касающихся покупки офисной мебели для малярной фирмы, расположенной в складском помещении во Флемингсберге к югу от города. Всего речь идет о платежках более чем на один миллион, и все они датируются последними месяцами.

– Этот идиот, похоже, был дока в лошадах, – заметил Бекстрём, слушая вполуха. «Ничего себе, полмиллиона за несколько месяцев!»

– В это я ни на секунду не поверю. – Надя покачала головой. – Играть на бегах – пустой номер. При определенной доле удачи и некоторых знаниях о лошадах можно, пожалуй, держаться на плаву довольно долго. Он просто торговал выигрышными купонами. Ничего более сложного, и часть из них наверняка были его собственные. Он продает их кому-то, кто должен объяснить налоговикам, как сумел купить новый «мерседес», пусть у него нет никаких доходов. То же самое с другими бумагами. Он продавал их лицам, которые с их помощью мухлевали с расходами в разных ситуациях. Необходимыми контактами он, скорее всего, обзавелся, когда работал финансовым экспертом и ревизором, и никаких особых знаний для этого не требовалось.

«Хотя это лучше, чем собирать пустые бутылки, как все другие старые алкаши», – пришел к выводу Бекстрём.

– Извините, – сказал Альм, поскольку в тот момент позвонил его мобильный. – Альм, – буркнул он, а потом он глав-

ным образом слушал и хмыкал одобрително пару минут, в то время как Бекстрём все мрачнее смотрел на него. – Извините, – повторил Альм, закончив разговор.

– Ерунда, – проворчал Бекстрём. – Ничего страшного. Наверняка это было дьявольски важно.

– Звонил Ниemi, – пояснил Альм. – В перерыве я воспользовался случаем и намекнул ему о Ролле Столхаммере.

– Столхаммер дактилоскопирован? – спросил Бекстрём. – Почему ты этого не сказал?

– Нет, – ответил Альм и покачал головой. – Столхаммер официально не дактилоскопирован, но зато он оставлял свои пальчики Ниemi в связи с одним убийством в Стокгольме много лет назад. Столхаммер и его коллега, по-моему, его звали Бреннстрем, наведались на квартиру к одному старому наркоману, жившему на Пиперсгатан и по большому счету по соседству со зданием полиции. Они никого не застали дома, но, воспользовавшись случаем, покопались в самом жилище, раз уж пришли. Бреннстрему показалось, что в квартире странно пахнет, и он вытянул нижнюю часть старой диван-кровати, стоявшей к гостиной. И там лежал хозяин дома. Засунутый в собственную диван-кровать со стальным шипом, какие еще привинчивают к обуви, чтобы не скользить на льду, в башке. Поэтому, когда появились эксперты, и Ролле, и Бреннису пришлось оставить свои отпечатки для сравнения, чтобы отсортировать их от других.

– Как думаешь, а они не могли сделать это тогда? – спро-

сил Бекстрём и ухмыльнулся довольно. – Насколько мне помнится, Бреннстрем имел привычку кататься по льду на специальных коньках, предназначенных для дальних путешествий.

«Тоже полный идиот, – подумал он. – Они со Столхаммером, пожалуй, составляли исключительный тандем. Двое слепых, которым удалось найти друг друга».

– Это было в июле, – напомнил Альм. – Жертва пролежала там неделю, и если ты извинишь...

– Конечно, – кивнул Бекстрём.

– Если перейти к делу, – продолжил Альм, – то Ниemi сейчас рассказал, что он сравнил пальцы Столхаммера с отпечатками, найденными им, помимо прочего, на стаканах, бутылках и столовых приборах дома у Даниэльссона.

– И что? – спросил Бекстрём.

– Да, – кивнул Альм. – Они принадлежат Столхаммеру.

– Кто бы мог подумать, – вздохнул Бекстрём. – Вот тебе и милый старик.

* * *

– Сейчас мы поступим так, – сказал Бекстрём после некоторого размышления. Это заняло у него всего полминуты, и отсюда он сделал вывод, что снова начинает становиться самим собой. – Ты, Анника, – он кивнул коллеге Карлссон, – поговоришь с прокурором о том, что у нас есть на Столхам-

мера. Было бы идеально, если бы нам удалось поехать и забрать его, и посадить в кутузку на выходные. Тогда мы могли бы взяться за него в понедельник утром. Три дня в камере без капли спиртного обычно хорошо влияют на старых алкашей.

– Я все сделаю, – сказала Анника Карлссон и при этом даже не поджала губы.

– А ты, Надя, можешь попытаться найти номер банковской ячейки Даниэльссона. Наверняка набитой старыми квитанциями и подобным дерьмом. Захвати ее к прокурору тоже, тогда не понадобится много болтать потом. Старые друзья жертвы, – продолжил Бекстрём и кивнул Альму: – Раздобудь их фотографии, а затем мы снова пройдемся по соседям и посмотрим, может, у нас тоже появятся несколько свидетелей. Лучше таких, кто видел Столхаммера бредущим по кварталу в тапках, перчатках для мытья посуды и в забрызганном кровью дождевике.

– Я уже сделал это для одиннадцати из них, – сообщил Альм и достал из своей папки пластиковый карманчик. – Все с водительских удостоверений или паспортов. Кроме того, данные на них. Возможно, нам придется добавлять кого-то потом, но Столхаммер уже есть там.

– Замечательно, – одобрил Бекстрём. – Тогда я подумал для начала позаимствовать твои фотографии, – добавил он, не объясняя причину такого решения. – Сейчас нельзя терять ни минуты, Альм. Столхаммер стоит на первом месте,

а все остальное до лампочки. Договорились?

Альм довольствовался тем, что кивнул и пожал плечами.

«Как все лузеры», – заключил Бекстрём.

– Ты составишь мне компанию, – распорядился Бекстрём и нацелил толстый указательный палец на ассистента Стигсона. – Мы проедем мимо дома Столхаммера и глянем, чем этот идиот занят. Да, это все, пока по крайней мере.

– А что я тогда? – спросила Фелиция Петтерссон и на всякий случай показала на себя.

– Ты, да, – произнес Бекстрём с нажимом. – Поразмышляй относительно разносчика газет. Пацана Сот... Акофели. Что-то с ним не сходится.

– Но какое он имеет отношение к Столхаммеру?

Фелиция вопросительно посмотрела на Бекстрёма.

– Хороший вопрос, – сказал Бекстрём практически уже на пути к выходу. – Над ним стоит подумать.

«Пусть эта черная курица тоже немного пошевелит мозгами. Какое отношение Акофели имеет к нашему преступнику? Да, никакого, если спросить меня», – подумал он.

– Добудь автомобиль для нас, Стигсон, – приказал Бекстрём, как только они оказались вне зоны досягаемости чувствительных ушей Анники Карлссон.

– Уже сделано, – отрапортовал Стигсон. – Адрес Столхаммера у меня есть. Йерневегсгатан, номер...

– Это потом, – перебил его Бекстрём. – Позвони той женщине, Андерссон с Хасселстиген, дом 1, и спроси, можем ли

мы заглянуть к ней.

– Конечно, конечно, – сказал Стигсон. – Шеф собрался показать ей фото Столхаммера?

– Сначала я подумал воспользоваться случаем и посмотреть на ее луковицы, – сказал Бекстрём, чье самочувствие снова стало приходить в норму.

«Всему свое время, и снимкам Столхаммера тоже», – подумал он.

– Луковицы. – Стигсон вздохнул и покачал бритой головой. – Нет. Я обещаю, шеф, в данном случае мы говорим о дынях, огромных дынях.

«Ну ничего себе», – подумал Бекстрём, когда она открыла дверь.

Бритт Мария Андерссон оказалась старухой!

«Да ей же все шестьдесят годков по меньшей мере», – подумал он, сам будучи мужчиной в расцвете сил. Ему должно было осенью исполниться пятьдесят пять.

Длинные белые волосы, голубые глаза, красный рот, такие белые зубы, что они наверняка были из настоящего фарфора, искусственный загар, цветастое платье намного выше колена, огромное декольте, и о том, чтобы спать на животе, нечего и думать.

«Какая дьявольская судьба, – подумал Бекстрём. – Шестьдесят годков, а о счастье познакомиться с моей суперсалами она могла мечтать задолго до начала нового тысячелетия».

В довершение картинки вокруг ее ног крутилась, таявкая, маленькая собачонка. Такой вот мексиканский таракан, которого можно утопить в чайной чашке и которого звали Старина Путте.

– Все нормально, все нормально, – успокоила хозяйка свою псину, взяла ее на руки и поцеловала в нос. – Старина Путте всегда ревнует, когда ко мне приходят молодые, привлекательные мужчины, – объяснила госпожа Андерс-

сон, подмигнула и улыбнулась своим красным ртом.

«Тогда тебе стоит остерегаться любовного треугольника с ним и малышом Стигсоном», – подумал Бекстрём, редко упускавший возможность поразмышлять в таком направлении.

Потом он быстро достал фотографии приятелей Даниэльссона, чтобы как можно быстрее разобраться с делами и сразу убраться восвояси. Хозяйка дома расположилась в низком розовом плюшевом кресле и усадила своих посетителей на цветастый диван напротив. В то время как Старина Путте снова стал бегать кругом и тявкать, и наконец она сжалась над ним и забрала к себе на колени.

Его молодой напарник пребывал на верху блаженства.

«Педофилия чистой воды, хотя наоборот», – подумал Бекстрём, а когда старуха Андерссон наклонилась над столом, чтобы поближе рассмотреть собутыльников пьяницы Даниэльссона, у малыша Стигсона даже глазки заблестели.

– Я узнаю почти всех, – сказала госпожа Андерссон. Она выпрямилась и глубоко вздохнула на всякий случай, широко улыбнувшись своим посетителям. – Это ведь старые друзья Даниэльссона. Они бегают сюда все годы, пока я живу здесь, и, по-моему, я никогда не видела ни одного из них трезвым. А разве это не бывший полицейский, кстати? – спросила она, ткнув длинным указательным пальцем в паспортную фотографию Роланда Столхаммера.

– Да, – подтвердил Бекстрём. – Сейчас пенсионер.

– Тогда он был дома у Даниэльссона и шумел в тот вечер, когда того забили насмерть.

– Почему вы так думаете, госпожа Андерссон? – спросил Бекстрём.

– Я видела его, когда гуляла со Старинной Путте, – пояснила Бритт Мария Андерссон. – Он шел по Росундавеген. Где-то около восьми часов. И скорее всего, направлялся домой к Даниэльссону.

– Но вы же не видели того, кто находился дома у Даниэльссона, – напомнил Бекстрём и зло посмотрел на Стигсона.

– Нет, не видела, – подтвердила госпожа Андерссон. – Но я не знаю, сколько раз видела этого Ролле, так ведь, по-моему, его зовут, на пути к Даниэльссону или от него.

– А кто-то другой? – спросил Бекстрём и кивнул в сторону стопки фотографий.

– Это фактически мой бывший деверь, Халвар Седерман, – сказала госпожа Андерссон и показала на фотографию бывшего торговца автомобилями Халвара Половины Седермана. – Я была замужем за его старшим братом Пером Седерманом, Пером А. Седерманом, – уточнила она, сделав акцент на «А». – Совсем другой человек, чем его младший брат, поскольку настоящий неряха. Могу вас уверить, но мой супруг, к сожалению, умер десять лет назад.

«И наверняка ты сама придавила его, благо есть чем», – подумал Бекстрём. Он в последний раз скопился на бесппор-

но достойные уважения прелести Бритт Марии Андерссон, поблагодарил за помощь, прихватил с собой неохотно последовавшего за ним Стигсона и попрощался. Стигсон выглядел так, словно Бекстрём вырвал сердце у него из груди, и, вопреки всяким правилам, наклонился и обнял старуху, прежде чем, наконец, удалился.

– Какая женщина, какая женщина, – вздыхал Стигсон, когда он, сидя за рулем, вез их в сторону Йерневегсгатан, чтобы они могли незаметно бросить взгляд на дом Столхаммера.

– Она же тебе в бабушки годится, ты об этом подумал? – спросил Бекстрём.

– Скорее в матери, – возразил Стигсон. – Представь, Бекстрём, что у тебя мать с таким телом.

– Ты любишь свою мамочку? – спросил Бекстрём коварно.

«Ты самую мать, которая, скорее всего, слишком рано совратила тебя».

– Это ведь все делают, – сказал Стигсон и удивленно посмотрел на своего шефа. – Любят свою маму, я имею в виду.

«Определенно жертва инцеста. Бедняга», – посочувствовал Бекстрём и лишь кивнул в ответ.

Бекстрём сделал все как по учебнику. Сначала он приказал Стигсону описать несколько кругов по кварталу вокруг дома Столхаммера. Ни малейшего намека на его присутствие.

Потом они проникли в дом, где тот жил. И послушали через щель для почты в его квартире. Ни звука.

Тогда Бекстрём позвонил Столхаммеру на домашний телефон. Множество сигналов за дверью, перед которой они стояли, но ничего, свидетельствовавшего о том, что внутри кто-то есть.

Тогда он набрал его мобильный.

– Ролле, – прорычал Столхаммер, но Бекстрём не произнес ни звука.

– Алло, алло, – повторил Столхаммер.

Тогда Бекстрём отключился.

– Сто процентов он сбежал, – констатировал Бекстрём и кивнул Стигсону, и в это самое мгновение сосед Столхаммера открыл дверь и уставился на них.

Маленький жилистый старикан лет семидесяти.

Согласно учебнику, такое случалось редко, но Бекстрём естественно легко сориентировался.

– Ты знаешь, куда отправился Ролле? – спросил он с дружелюбной миной. – Это наш старый друг, и нам надо с ним

поболтать.

– Не требуется большого ума, чтобы догадаться, – проворчал старик и зло посмотрел на гавайскую рубашку Бекстрёма и бритый череп Стигсона.

Никакой более ценной информации он не дал и пригрозил вызвать патруль, если они сразу же не уберутся.

На обратном пути к зданию полиции Бекстрём объяснил Стигсону прописные истины. Что ему надо поговорить с сыскарями, пусть они проверят адрес Столхаммера и сразу же доложат Аннике Карлссон, если он сейчас появится. Потом требовалось дать номер Столхаммера коллегам, которые отслеживают мобильные звонки, чтобы они определили, где Столхаммер находился, когда ответил.

– Ты записал время, когда я звонил? – спросил он.

– Четырнадцать сорок пять и двадцать, – кивнул Стигсон. – Все нормально, шеф.

Выйдя в гараже из автомобиля, они столкнулись с Анникой Карлссон, которая спросила о разговоре с Бекстрёмом и зло посмотрела на Стигсона.

– Чем я могу помочь тебе, Анника? – спросил Бекстрём и нежно улыбнулся.

– Я разговаривала с прокурором. Нашим делом будет заниматься Туве. Отличная девчонка, – заверила она.

«Значит, ее ты тоже успела попробовать», – подумал Бекс-

трём. Однако сказать подобное стало бы верхом глупости. Кому хочется начинать выходные с проломленной башкой?

– Кто из нас будет держать руку на пульсе в выходные – ты или я? – продолжила Карлссон.

– Прекрасно, если бы ты смогла взять это на себя, – сказал Бекстрём. – Я еще до конца не очухался после предыдущей работы. Пришлось очень много пахать сверхурочно, и, поскольку я хочу активно участвовать, когда начнется жаркая пора, собирался отдохнуть в выходные, – солгал он.

Не было никаких проблем, по словам Анники Карлссон.

* * *

Когда Бекстрём вернулся в свой кабинет, чтобы упаковать все самое необходимое и в конце концов пойти домой, Ниemi неожиданно появился у него в дверях, имея при себе много интересных точек зрения.

– Могу я сесть? – спросил он, а поскольку уже и без разрешения сел, Бекстрём довольствовался лишь кивком.

– Что я могу сделать для тебя? – поинтересовался Бекстрём. «Чертов лопарь».

Не так много, если верить Ниemi. Речь скорее шла о том, что тот сам мог сделать для Бекстрёма.

– Один совет из добрых побуждений, – проговорил Ниemi.

– Я слушаю, – проворчал Бекстрём.

– Думаю, тебе не стоит дергаться относительно Ролле Столхаммера. Он не из тех, кому нужна крышка от кастрюли, чтобы завалить такого, как Даниэльссон. Кроме того, они были приятели. Он явно не подходит на роль убийцы.

– Действительно. – Бекстрём улыбнулся дружелюбно. – Поправь меня, если я ошибаюсь, но сначала Даниэльссон и Столхаммер сидят, и пьют, и шумят примерно до четверти одиннадцатого вечера. Потом сверху спускается соседка и устраивает им головомойку. Сразу после этого Даниэльссона убивают. Но не Столхаммер, поскольку он уже поковылял домой спать и видеть красивые сны. Взамен, по большому счету сразу же, появляется неизвестный преступник, невидимый, неслышимый и не оставивший никаких следов, ведь ни ты, ни Фернандес, похоже, не нашли после него ничего, пусть именно он насмерть забил Даниэльссона. Я правильно все понял?

– Я думаю, это звучит странно, – сказал Ниemi, – но...

– Я все правильно понял? – повторил Бекстрём и хмуро уставился на Ниemi.

– Да, просто я не думаю, что Ролле поступил бы подобным образом со своим другом. Значит, по-видимому, все так и произошло. Как бы невероятно это ни звучало.

– Однако я в это не верю, – отрезал Бекстрём. – И ты должен меня извинить.

Ниemi пожелал Бекстрёму приятных выходных, пожал плечами и ушел. Бекстрём довольствовался коротким кивком. Потом он оставил сумасшедший дом, который отныне являлся его рабочим местом, и пешком направился домой.

Час спустя Бекстрём сидел у письменного стола в своей уютной берлоге. Все еще обливаясь потом после прогулки по жару, он взял бумагу и ручку, чтобы немного упорядочить свою новую жизнь.

– Прикинем сейчас. – Бекстрём задумчиво покусал кончик ручки. – Сначала двухсуточный пост. Все согласно канонам в малейших деталях, только овощи, вода и прочее. Потом едим более сбалансированную диетическую пищу в течение еще двух дней...

Если Бекстрём рассчитал все правильно, согласно своему методу он, мог реально выпить уже в выходные.

«С этим я легко справлюсь», – подумал он.

Все получилось гораздо раньше, поскольку в пятницу вечером у него случилось видение.

Сначала он встал под душ, тщательно растерся полотенцем, потом надел халат, сел на диван и смотрел фильм, который дал ему доктор. И осилил его до конца. Натянул на себя тренировочный костюм, прошелся вокруг половины Кунсхольмена и впихнул в себя три банки легкого пива, как только снова оказался дома. Не помогло. Орел опять всадились в линию электропередачи.

В такой ситуации у него не осталось выбора. Он принял одну коричневую и одну синюю таблетки, рухнул в постель, словно его стукнули по голове, и где-то там, между сном и полубабытьем, у него случилось божественное видение.

В его спальне было темно, и ее окутывал легкий туман (хотя откуда он там мог взяться?), когда высокий худой старик в белых одеждах и с бородой до пояса подошел к его кровати, положил старческую руку ему на плечо и заговорил с ним.

– Сын мой, – произнес старик. – Сын мой, слушаешь ли ты меня?

«Что еще за папаша выискался?» – подумал ошарашенный Бекстрём, поскольку худой старик с белой бородой несколько не напоминал его красномордого, вечно пьяного родителя, который служил старшим констеблем в полицейском участке в Марии и, если верить его чокнутой мамаше, стал причиной появления Бекстрёма на свет.

«Боже праведный, – подумал Бекстрём, когда неожиданно понял, кто перед ним. – Боже праведный!»

– Сын мой, – повторил бородатый. – Сын мой, слушаешь ли ты меня?

– Я слушаю, отец наш, – сказал Бекстрём.

– Та жизнь, которой ты живешь сейчас, потеряла цельность, – пробормотал старик. – Ты ступил на неправильный путь, послушал фальшивых пророков.

– Прости, отец, – пропищал Бекстрём.

– Иди с миром, – сказал старик и снова похлопал его по плечу. – Постарайся вернуться на путь истинный.

– Я обещаю, отец наш, – сказал Бекстрём, сел в кровати, и неожиданно ото сна не осталось и следа.

Полученное им послание было очевидным по своей сути. Он снова принял душ, надел брюки, чистую рубашку и пиджак. А выйдя на улицу, поднял глаза к бесконечной синеве над своей круглой головой и поблагодарил Творца и Создателя.

– Огромное спасибо, отец наш, – сказал Бекстрём, а две минуты спустя он сидел в своем любимом кабаке, расположенном в том же квартале.

– Где ты, черт побери, пропадал, Бекстрём? – спросила официантка, которая была финкой и обычно не возражала оказаться у Бекстрёма в кровати фирмы «Хестенс», если он не находил никого получше, конечно.

– Серьезное убийство, – изрек Бекстрём важно и коротко. – Пахал как проклятый всю неделю, но сейчас, наконец, все встало на свои места.

– Вой, ой-ой. Им повезло, что у них есть ты, Бекстрём. И тебе полагается немного вкусенького, – сказала официантка и улыбнулась по-матерински.

– Естественно, – подтвердил Бекстрём. Он заказал большой бокал крепкого пива и реальную порцию шнапса перед

едой.

Жирная подкопченная колбаска со свеклой и тушеным картофелем. На всякий случай он также добавил к ней немного печеночного паштета и несколько жареных яиц на паре тарелок. Потом пировал все выходные в своей обычной манере и, когда около девяти утра в понедельник взял такси до работы, уже успел выбросить фильм чокнутого доктора в мешок для мусора. Стоило как следует присмотреться, и сразу стало понятно, что он и мужик в подгузнике ни капельки не походили друг на друга.

– Фальшивые пророки, – ухмыльнулся Бекстрём.

– Извини, – сказал таксист и удивленно посмотрел на него.

– Здание полиции в Сольне, и меня нисколько не опечалит, если ты доберешься туда сегодня, – сказал Бекстрём, который снова стал прежним Бекстрёмом.

Когда Бекстрём вошел в свой служебный кабинет, у него на столе лежал листок с сообщением от коллеги, который занимался отслеживанием мобильных телефонов. Хулиганский звонок Бекстрёма Столхаммеру в пятницу после обеда в качестве конечного пункта проходил через мачту, расположенную по другую сторону Эресунна, в центре Копенгагена.

– Кто бы сомневался, – проворчал Бекстрём и позвонил на мобильный Аннике Карлссон.

– Доброе утро, Бекстрём, – сказала Карлссон.

– Черт с этим сейчас, – оборвал ее Бекстрём в своей самой вежливой манере. – Столхаммер, похоже, сбежал в Копенгаген.

– Уже нет, – возразила Анника Карлссон. – Мне только что звонили с охраны, и, по их словам, он сидит внизу в вестибюле. И хочет встретиться с нами.

Через десять минут Бекстрём, Карлссон и Столхаммер сидели в допросной криминального отдела. Столхаммер, судя по его наряду и внешнему виду, провел напряженные выходные. Трехдневная щетина, потный, в нестираной одежде и с сильным запахом старого и свежего перегара. В остальном он был похож на себя. Большой, здоровый мужик, с резкими чертами лица и без намека на жир на мускулистом теле.

Правда, морщин на лице прибавилось.

– Это же чертовщина какая-то, Бекстрём, – сказал Столхаммер и потер костяшками правой руки уголок глаза. – Что за бандиты убили Калле?

– Мы надеялись, ты поможешь нам это узнать, – ответил Бекстрём. – Поэтому и искали тебя несколько дней.

– Я свалил в Мальме в четверг утром, – сообщил Столхаммер и почесал красные глаза. – Тогда же это случилось, если я все правильно понял?

– Что ты делал в Мальме? – поинтересовался Бекстрём. «Здесь я задаю вопросы».

– У меня там старая зазноба. Очень милая дамочка, поэтому, когда мы с Калле поставили на победителя в среду и на меня свалились десять штук, как манная небесная, уже особо не задумывался. Сел в поезд. У меня проблема с самолетами. Там такая теснота. Надо быть безногим японцем, чтобы хватило места. Опять же ни пожрать, ни выпить. Поэтому сел на утренний поезд. Был на месте сразу после обеда.

– У нее есть имя? – поинтересовался Бекстрём.

– У кого? – спросил Столхаммер и удивленно посмотрел на Аннику Карлссон.

– У дамочки из Мальме, – объяснил Бекстрём.

– Ясное дело, – кивнул Столхаммер. – Мария Олссон. Живет на Стаффансвеген, 4. Есть в телефонном каталоге. Работает санитаркой в тамошней больнице. Она забрала меня на Центральном вокзале в Мальме. Ты можешь позвонить ей,

если мне не веришь.

– Чем вы занимались потом? – спросил Бекстрём.

– Ну, вышли из ее квартиры только в пятницу, когда поехали в Копенгаген, и там у нас получился дьявольски приличный обед. Продолжался целый день и половину ночи.

– А потом?

– Ну, потом мы поехали назад. Где-то под утро. В Мальме то есть. Домой к Марии, и там все получилось как обычно. Выбрался на улицу и затарился немного в субботу перед закрытием винного магазина. Затем мы опять расслаблялись.

– Вы опять расслаблялись?

– Конечно, – подтвердил Столхаммер и вздохнул. – Она дьявольски выносливая девчонка, а мои лучшие дни прошли. Не вылезали из койки до вечера воскресенья, когда Бликстен позвонил мне на мобильник и рассказал о случившемся.

– Бликстен?

– Бьерн Юханссон. Другой старый приятель по школе. Ты, пожалуй, знаешь, кто это? Известный человек в нашей деревне. В старой Сольне. У него еще была фирма, энергетическая компания Бликстена в Сумпане, но сейчас она перешла к его парню. Да, он рассказал о случившемся, и в такой ситуации я, конечно, не мог уже больше зависать в Мальме, поэтому сел на ночной поезд, хотел помочь вам поймать идиота, который убил Калле.

– Очень мило с твоей стороны, Роланд, – заметил Бекс-

трём. «Похоже, старина Столис успел поразмыслить между всеми своими возлияниями и решил немного потрудиться».

– Да, вот черт, ясно дело, я с вами. Поэтому сейчас я здесь, значит, – объяснил он.

Потребовалось два часа, чтобы разобрать, чем Столхаммер занимался с утра четверга, когда он внезапно отправился в Мальме, и до утра понедельника, когда он появился в здании полиции в Сольне. Потом они прервались на обед.

Бекстрём нагрузил свой поднос основательно, поскольку считал, что история может затянуться и потребует много сил. И в этот раз взял тефтели, и картофельное пюре с коричневым соусом, и пылесос в паре с миндальным пирожным. Анника Карлссон же перекусила на скорую руку макаронным салатом с минеральной водой, прежде чем поручила Альму и другим проверить данные, сообщенные Роландом Столхаммером о его пребывании в Мальме и Копенгагене. Сам же Столхаммер довольствовался бутербродом и кофе, которые Анника взяла ему в кафетерии.

«Сейчас мы приближаемся к решающему моменту», – подумал Бекстрём, когда они снова сидели в допросной. Столхаммер вдобавок начал потеть, что выглядело многообещающе, а когда подносил чашку кофе ко рту, на всякий случай использовал обе руки.

– Ты был в Солвалле в среду на прошлой неделе, в среду 14 мая? – спросил Бекстрём. – Можешь рассказать об этом?

Он притащился туда уже в четыре пополудни, посмотреть разминку, походить среди старых приятелей и послушать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.